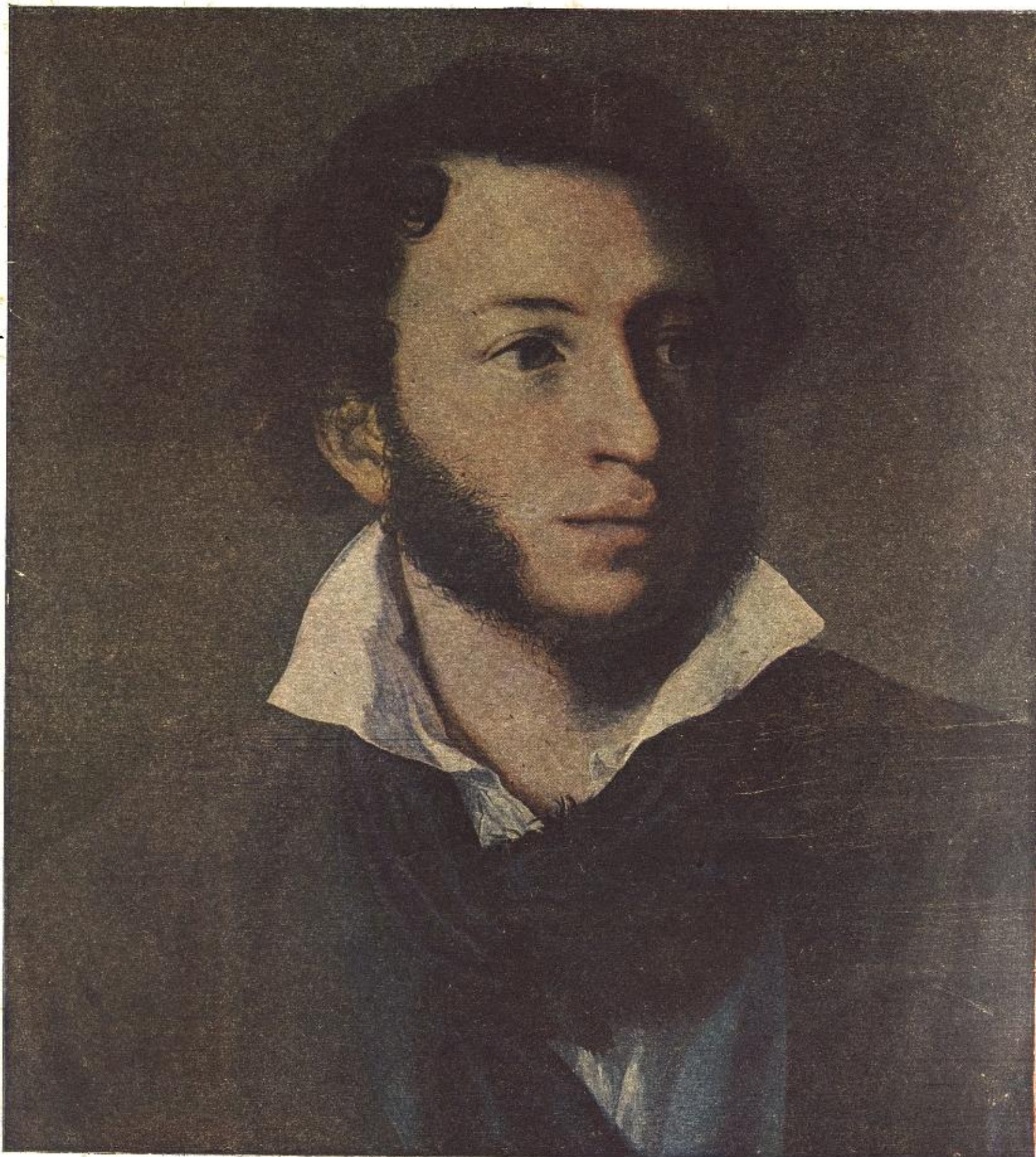

РЕЗЕЦ

№ 1

*... Служ обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык...*

А. Пушкин

Пушкин в детстве

Портрет работы А. Г. Платунова

*Надежда Осиповна Пушкина, мать поэта.
С миниатюры работы Ксавье-де-Местра*

Сергей Львович Пушкин, отец поэта. С карандашного рисунка К. Гампельна 1824 г.

А. С. Пушкин—автопортрет 1829 г.

М. БЛЕЙМАН, И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

АРЗРУМ*

Шел вечер. Резкие тени падали на каменистую почву. Лагерь остался позади, Пушкин и Раевский гуляли без цели.

Величественный пейзаж расстился перед ними. Горы охватывали местность кольцом. Только в одном месте они вдруг внезапно прорывались ущельем. Там был выход из этой естественной крепости и там сияло багровое низкое солнце.

Пушкин то забегал вперед, то возвращался, живой, маленький, ловкий.

Он говорил без умолку, перескакивая с предмета на предмет.

— Я привез вам Годунова... Это последнее, что написано. Соболевский хандрит... Проигрался... и... объелся стерлядью на свадьбе. Мы с ним на всех московских свадьбах плясали... Я и сам сделал предложение трим... во всех был влюблен...

— Отказали?—спросил с улыбкой Раевский. Он брел равнодушный к пейзажу, ко всему кроме Пушкина.

Но Пушкин не слушал:

— А меня упрекали, что повесничаю, в карты играю... А что делать?

Он остановился.

— Что делать? Умереть, жениться или бежать подальше? Печальный век...

Резкий выстрел прервал его слова. Стреляли где-то неподалеку.

Раевский, до этого обмякший и ленивый, выпрямился.

— Скорей назад!—сказал он тоном категорическим.

— Что это?

— Турки. Мы зашли слишком далеко... Еще в плен возьмут...

Он повернулся и нетерпеливо взял Пушкина за руку.

Раздался еще один выстрел.

— Да скорей же!—нетерпеливо еказал Раевский. Пушкин резко вырвал руку.

Раевский посмотрел на него удивленно.

— А если я хочу в плен попасть?.. В плен...— Пушкин схватил его за руку.—Слушай! Я не могу больше оставаться в России! Я по чужбине тоскую... Недавно в Кронштадте я чуть на корабле не спрятался... Вот бы уехать!.. Я вообразил Англию, Лондон, Париж, чугунные дороги, паровые корабли... ведь я еще никогда не вырвался из России... Раевский... Ты мне поможешь!..

Раевский тихо высвободился:

— Что ты будешь делать в чужой стороне? Пропадешь!

— А здесь?

Было тихо. Раевский поднял голову.

— Поможешь?—с жадным ожиданием спросил Пушкин.

— Не сейчас... Это надо обдумать... Пойдем!.. Теперь они шли медленно.

Пушкин поднял голову. За ними садилось солнце.

— Как хорошо!—сказал он тихо.—Как хорошо! Как десять лет назад... Как-будто и четырнадцатого декабря не было...

— Было,—сказал Раевский,—было!

★

Было непонятно, кто из них старший.

Главнокомандующий, граф, генерал, облеченный доверием государя, победитель под Ахалцихом, Эриванью, Карсом, или мелкий в сущности человек, адъютант министра, не сановный, не прославленный, никому не известный.

И хотя Паскевич сидел, а Бутурлин почтительно стоял перед ним, власть была у Бутурлина.

Власть была у него. Он протягивал Паскевичу пакет от государя.

Паскевич погрузился в чтение. Он был доволен. Его похвалили в Петербурге.

И он позволил себе встать и милостивым кивком отпустить Бутурлина.

Но тот наклонил голову. Он хотел говорить.

— Ваше сиятельство,—сказал он почтительно, но твердо.—Господин военный министр поручил

* Из повести для кино «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.».

мне осведомиться у вас о службе некоторых бунтовщиков, разжалованных и посланных к вам в кавказскую армию.

Паскевич отгрызнулся. Он был не подготовлен к вопросу.

— А что? Служат!

Бутурлин опять наклонил голову. Он был недоволен ответом.

...поручил осведомиться, — продолжал он, — об образе мыслей этих бунтовщиков, о поведении, о чувствах.

— Ну, чувства! Их, голубчик, я не знаю, — возмутился Паскевич, — у меня тут турки, война...

— Это дело политическое, ваше сиятельство, — почтительно, но твердо подчеркнул Бутурлин. — Бунтовщики эти опасны по мыслям и по поступкам. Кроме того... — тут он повысил голос, — самовольный приезд к армии известного сочинителя Пушкина может повлиять на образ мыслей этих господ.

Паскевич посопел носом, хотел-было возмутиться, но сдался.

— Что же ты прикажешь мне с ними делать?

Бутурлин знал, что этим вопросом и окончится дело.

Теперь он мог сообщить инструкцию:

— Бунтовщиков этих следует держать под усиленным надзором.

Он замялся. Следующую мысль нужно было выразить в особо деликатной форме:

— Государь император в безграничной своей милости приказал, с целью дать им возможность выслуги и получения чина, командировать их в дела, требующие... — тут он опять замялся... — в дела, требующие особой храбрости и исключительных воинских качеств.

Паскевич понял и смутился.

Они оба смутились. Бутурлин привез приказ об убийстве.

Они стояли друг против друга. Паскевич невольно встал, когда Бутурлин передавал слова Николая I.

Улыбочка показалась на лице Паскевича:

— Но я посылаю штрафованных в разведку...

Он наклонил голову:

— Милость государя к бунтовщикам достойна удивления.

Бутурлин мог быть доволен.

— Что же касается до сочинителя Пушкина, то могу вам конфиденциально сообщить, что его величество, узнав о самовольном его отбытии к армии, выразил неудовольствие тем, что господин Пушкин отбыл в сущности за границу империи.

Паскевич привстал:

— Завоеванные мной области уже входят в состав империи.

— Да, — возразил Бутурлин, — но отсюда легче бежать... у Пушкина найдены стихи. Послушайте, ваше сиятельство:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...

И дальше в том же роде.

— Ну, стихи! — улыбнулся Паскевич.

— Стихи Пушкина, — возразил Бутурлин. — Поэты излагают в стихах свои сокровенные мысли. Да и поведение его самое предосудитель-

ное. Целые дни у генерала Раевского... А там... бунтовщики и разжалованные с офицерами за одним столом... Не установить ли секретный надзор, ваше сиятельство?

Паскевич кивнул головой.

— ...и подвергнуть Раевского взысканию по-строже.

Паскевич поднял глаза:

— Вы ведь только приехали!.. Откуда вы уже успели узнать?..

— Долг службы, ваше сиятельство, — склонил Бутурлин рыжую голову.

★

По случаю приезда Пушкина к обеду были гости. Азиатский шашлык запивали английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Пушкин всматривался то в обросшего бородой Вольховского, изнуренного заботами, то в Семичева, то в Чернышева...

Он раздумывал, ломая хлеб, скатывал хлебные шарики.

— Как вы переменялись, друзья мои! Как быстро уходит время!

Все промолчали.

Чернышев быстро выпил стакан вина.

— А давно ли Вольховский бегал по лицу с Кюхлей? Помнишь, Суворушка?..

Он понял, что совершил неловкость. Молчание было конфузливо и тягостно.

Чернышев сказал:

— Мы все стараемся не думать о том, что было. Ты не знаешь, что перенесли мы все. Крепость... И это еще ничего. Сибирь... И это еще не страшно. Но когда рядом с тобой пятерых друзей увозят... — он не мог сказать слова казнь, — увозят на...

Он опять выпил.

— Почему ты не уехал, Пушкин? — спросил он, глядя на него в упор.

Пушкин вскочил:

— Я просил! Шесть раз! Десять! Мне отказали. Я просился в Париж, в Италию. Я хотел лечиться. Я просился в Китай. Мне отказали. Если бы царь дал мне свободу, я бы и месяца не остался в России. Но я на привязи... Как вы, как все. Только что не убили... как Пестеля... Рылеева...

Он перегнулся через стол, не обращая внимания на то, что валяются бутылки и стаканы.

— Расскажи мне о них, Чернышев!

★

Бутурлин ходил вокруг палатки Раевского. Видимо, он принимал решение.

Он обошел кругом палатки несколько раз.

Потом остановился. Потом быстро ушел.

★

Чернышев говорил:

— Потом появились сторожа с оковами. Нас посадили, заковали ноги и дали веревочку в руки, чтобы поддерживать.

Он показал, как это было.

— Они не тяжелы, но очень неудобно двигаться.

Пушкин сидел, положив голову на руки.

— Ну, а потом посадили по одному в сани с жандармом и повезли. Самое странное — нас везли мимо дома Кочубея. Там был бал. Великолепное освещение, пропасть карет.

Он выпил вина.

— Довольно, довольно! — взмолился Раевский.

— Я сделаю... сказал Пушкин в трудном раздумьи, — я сделаю моего Онегина декабристом.

Он нахмурился, мотнул головой. Тут можно было не стесняться.

— Или он погибнет на Кавказе.

Это было сказано с вызовом.

— Я напишу о четырнадцатом декабря, о царствовании Николая... пером Курбского, — сказал он с ненавистью.

Вольховский поднял глаза:

— Но ведь Курбский писал, бежав за пределы родины!

— Ну так что? — совершенно спокойно ответил Пушкин. — Или ты думаешь, что он был не прав?

★

У костра горячо спорили солдаты. Молодой драгун допрашивал старика Мищенко:

— Ты сколько лет служишь?

— Двадцать пять! — отвечал тот неохотно.

— Значит, еще десять будешь барабанить?

— Буду.

— А потом?

— Потом отслужу термин — и в чисгю.

— Побираться?

Старик подумал:

— Зачем побираться? Землю пахать!

— А где у тебя земля? Кому ты нужен, старый хрыч?

— Служу отечеству.

Солдаты смеялись. Потом замолчали, увидав проходившего Бутурлина и толстого осанистого генерала Мерлини.

★

Раскрылся полог палатки, вошел утомленный, в разорванном мундире Бурцов.

Все вскочили. Бурцов вглядывался. Он не узнавал лиц. У него были воспалены глаза...

Увидев Пушкина, он бросился к нему.

— Теперь я рад, что остался жив, — сказал он, обнимая Пушкина.

Он в изнеможении сел.

Раевский пододвинул ему тарелку, налил вина.

— Я с донесением: обходное движение не удалось, — сказал Бурцов.

— Значит? — спросил Вольховский.

— После, после! — успокоил Раевский.

Бурцов принялся жадно есть, не сводя глаз с Пушкина.

★

Хмурый Бутурлин бродил подле палатки Раевского.

Говорили двое солдат.

— А кто у генерала молодой, в роде поп немецкий, в сюртуке?

— Кто его знает, приятель из Петербурга, — ответил ординарец Раевского.

— А еще кто?

— Известно кто: Вольховский, майор да солдаты... из разжалованных... — последнее сказано тихо.

Бутурлин подошел к солдатам. Они вытянулись. Он спросил:

— Так кто, говоришь, у генерала?..

★

Они сидели, стояли.

Была такая тишина, что, казалось, слышно было потрескивание свечи.

Раевский, Вольховский, Бурцов, Семичев, Чернышев, еще два-три человека слушали, как Пушкин, глуховатым голосом, немного нараспев, читал стихи:

Что значит сей неодолимый трепет?

Иль это дрожь желаний напряженных?

Нет, это страх. День целый ожидал

Я тайного свидания с Мариной,

Обдумывал все то, что ей скажу,

Как обольщу ее надменный ум,

Как назову московскою царицей.

Но час настал — и ничего не помню,

Не нахожу затверженных речей.

Любовь мутит мое воображенье.

★

К палатке Раевского подошли генерал Мерлини и Бутурлин.

— Свет! — сказал Мерлини густым басом. — Верно уже заложили банк. Войдем.

— Идите вы, — сказал Бутурлин тоном приказа. — Посмотрите... А потом скажите мне!.. Я буду ждать десять минут... А потом приду сам.

Мерлини подтянулся, убрал живот.

Младший приказывал старшему, а старший слушался. Он даже не смел возражать.

— Запомните все! — сказал Бутурлин.

Мерлини уже входил в палатку.

★

Он вошел никем не замеченный.

... Нет, полно мне притворствоваться!
Скажу всю истину. Так знай же, твой Дмитрий
Давно погиб, зарыт и не воскреснет!
А хочешь ли ты знать, кто я такой?
Изволь, скажу. Я бедный черноризец.
Монашеской неволю скучая,
Под клобуком свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо
И, наконец, из келии бежал
К украинцам, в их буйные курени,
Владеть конем и саблей научился,
Явился к вам, Дмитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.
Что скажешь ты, надменная Марина,
Довольна ты признанием моим?
Что ж ты молчишь?

Марина

О стыд, о горе мне!

Самозванец

Куда завлек меня порыв досады!

С таким трудом устроенное счастье

Я, может-быть, навеки погубил.

Во время чтения Мерлини наклонился к соседу:
— Что это?

Тот отмахнулся. Мерлини наклонился и спросил еще раз. Тот, отделиваясь, быстро, скороговоркой сказал шопотом:

— Читает «Годунова». Сцена Самозванца и Марины Миншпек.

Мерлини понимающе кивнул.

Пушкин читал:

Что сделал я, безумец! Вижу, вижу!

Стыдишься ты княжеской любви.

Так вымолви ж мне роковое слово!

В твоих руках теперь моя судьба,

Реши, я жду!

Он перевернул страницу и перевел дыхание.
Тут его прервал Мерлини.

— Позвольте, — сказал он, — позвольте, Александр Сергеевич. Как же это так? Насколько я понял, Гришка Отрепьев сознается в том, что он не царь. Как же это так? Ведь это неправдоподобно и ненатурально. Поясните, будьте любезны.

Пушкин обвел глазами присутствующих.

Посмотрев на говорившего, он мягко сказал:

— Он любит Марию и не удержался. Вы удивлены?

Мерлини посопел носом.

— Но все-таки ненатурально.

— Я не буду больше читать, — сказал Пушкин, — я устал.

Он резко собрал листки и направился к выходу. В дверях он столкнулся с Бутурлиным. Тот посторонился.

— Пожалуйте!

Пушкин не вышел. Он остался в палатке.

Раевский оглянулся. Он знал Бутурлина и по-мрачней. Пушкин смотрел с недоумением. Раевский вскочил:

— Чему обязан?

Бутурлин размеренным шагом направился к Раевскому. Он осклабился в наивежливнейшей, но сожающей улыбке.

— Генерал Раевский! — сказал он с деланной грустью в голосе. — Я буду вынужден донести господину военному министру, что вы, не соблюдая субординации, сажаете за стол простых солдат.

Бледный Раевский шагнул вперед.

— Мне очень жаль, но впредь до дальнейших распоряжений, согласно приказа главнокомандующего, я объявляю вас арестованным, — продолжал Бутурлин.

Он обернулся.

— Прошу покинуть палатку, господа!

И добавил:

— Нижним чинам немедленно вернуться к своим частям!

Пушкин рванулся к Бутурлину. Бурцов удержал его за руку.

— Оставь!..

Палатка опустела.

★

Пушкин стоял молча. Бутурлин искоса наблюдал за ним.

— Кто бы мог ожидать такой неосторожности от генерала Раевского? — вкрадчиво начал Бутурлин.

Пушкин рассеянно посмотрел на него. Провел рукой по лбу.

— Вы считаете это неосторожностью?

— Помилуйте! Враги, вчерашние бунтовщики!.. Как посмотрит на это государь?

Он опять замолчал.

— Какая неосторожность со стороны генерала Раевского была сводить вас с этими господами, с участниками четырнадцатого декабря.

— Государь знает мои мысли... — глухо сказал Пушкин.

— Государь — истинный ваш друг, вероятно он был бы удивлен, узнав о вашем отъезде из России.

— Я давно уж присел в действующую армию, — с живостью прервал его Пушкин.

— Государь считает, что ваши таланты будут полезны на ином поприще.

Пушкин желчно рассмеялся:

— Не в качестве ли чиновника третьего отделения?

Бутурлин испытующе посмотрел на него:

— Граф Бенкендорф высоко ценит ваше дарование...

Кровь ударила Пушкину в голову. Его лицо исказилось.

Он сделал шаг к Бутурлину:

— Милостивый государь... — начал он прерывающимся голосом.

Бутурлин оставался невозмутимым.

— Тем более... — продолжал он, — что государь доверил ему вашу судьбу...

Пушкин понял. Он повернулся и быстро вышел из палатки.

★

Солдаты пели протяжную песню.

Лагерь спал. Ходили часовые. Фыркали во сне лошади. Стояла луна.

Пушкин стоял в отдалении, прислушиваясь к песне.

Бурцов подошел к Пушкину и положил ему на плечо руку.

— Бурцов! — сказал Пушкин. — Что же это?

— Зачем ты приехал? — спросил Бурцов.

Не отвечая, Пушкин пошел вперед.

Горели костры. У костров в дыму лежали солдаты.

Пушкин увлек Бурцова далеко за пределы лагеря. За обрывом видны были огни турецких укреплений.

— Зачем ты приехал, Пушкин? Ведь здесь — теплая Сибирь. Ты ведь должен был знать это... С нами разделяются, как могут... Вольховского вот гонят в могилу чахоткой... Им мало того, что и Путин, и Чернышев, и я — солдаты... Добрались до Раевского... Зачем ты приехал?

Горел костер. У костра в дыму лежали солдаты.

Пушкин молчал.

— Я должен идти, — сказал Бурцов.

Он протянул Пушкину руку.

Тот не взял ее. Он смотрел на Бурцова внимательно, как бы изучая, как бы проверяя его.

— Постой! — сказал он нетерпеливо.

Вдруг они услышали солдатские голоса.

Пушкин прислушался.

— Тихе!.. — сказал он.

— Слышишь?

★

Из темноты доносились тихие голоса. Переговаривались солдаты, лежавшие в секрете.

— Тут просто не возьмешь... Тут хитрость нужна. Вот как апшеронцы... Они вот теперь домой уходят... Пошабашили, отслужили термин...

— А помнишь, я сказывал про батальон, что в плен сдался?

— Ну?

— Ну!.. — передразнил его рассказчик.

— Отчего же их отпустили?

— Кто?

— Турки... Наши...

— От турок убежали.

— А от наших?

— Так неужто ты не понял? Закон такой есть. Понимаешь? Если кто из плена бежит, ему за гс-

ройство службу прекращают и дают волю. Видал? Мищенко усмехнулся.

— А если в плену подщетилят?

— Что?

— Подщетилят. Это они разрезают тебе подошву да щетинкой посыпят, чтобы бежать не мог. Верхом, оно способно, потому ноги раскорячены, а ходить и вовсе невозможно.

— Подщетилят?! А что тебе лучше: головы решиться, безногому или безрукому?

Все задумались.

— Оно действительно хорошо... если волю... — махнул рукой Мищенко.

Солдаты замолчали.

★

Они слышали этот разговор.

Пушкин держал Бурцова за руку.

— Ты слышал, Бурцов, что они говорят?

Бурцов поморщился.

— На смерть хотят итти, дураки.

— Нет, нет, не на смерть... Слушай, ты единственная моя надежда... Я уже просил Раевского. Он обещал мне... Но что он теперь может?

Бурцов не понимал.

— Тут нужен человек смелый, отчаянный, верный... Ты... — Бурцов непонимающе смотрел на Пушкина.

— Бурцов! Помоги мне бежать!.. Да! Да! — Он точно боялся, что Бурцов прервет его. — Раевский обещал мне... — Я объяснил... Я не могу здесь больше... Я ехал к вам, мне казалось, что я навсегда из России. И первое, что встретил, гроб Грибоедова... Убийцы... Шпионы... Повсюду... Помоги мне... Как солдаты эти... В плен сдать... Вместе, вместе бежим!..

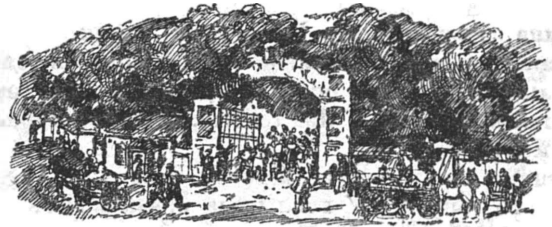
Бурцов усмехнулся.

— Да, да, я знаю... ты скажешь — дикая страна... Подщетилят... Турки — варвары не более нас. А тут у меня руки отрезаны. Бурцов! Я люблю нашу страну. Пойми, только революционная голова, подобная Пестелю, может любить Россию так, как писатель может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке. Но здесь я скован, мне закрыли рот... Невтерпеж мне становится святая Русь!

Это было сказано так убедительно, что Бурцов наклонил голову.

А. С. Пушкин на коне — автопортрет

Я. МЕРЗОН

ЯРМАРКА

Успенский монастырь смутно белел на горах, закрытый снизу толстой высокой стеной. За стеной сразу начинались обрывы. Светало. Наконец с востока ударили первые солнечные лучи, и крест загорелся высоко в посиневшем небе. На дороге послышались голоса людей, скрип и мычанье.

Открылись западные ворота. Звон кожокола разносился в утреннем воздухе.

Люди на лестнице зашевелились и покинули свои места. Это были нищие, пришедшие еще ночью.

Заспанные монахи вышли за ворота посмотреть, хороша ли будет ярмарка. Что везут на продажу мужики.

Вереицы подвод ползли к монастырю.

Женщины сидели на возах; там, где дорога шла в гору, они слезали, чтобы лошади было легче.

Шли старцы с палками, с сумой через плечо, без шапок. Поводыри держали слепых за руки. Старцы шли медленно, они привыкли к длинным дорогам России. На ярмарки собирались они толпами. Где больше соберешь, чем на ярмарке?

В людных местах нищие тянули длинные духовные песни. Православные кидали в шапку монеты.

Девушки и парни спешили на ярмарку, как на праздник. Они были веселы и шумливы. Запевали, говорили без нужды и без причин смеялись.

В тяжелых экипажах на ярмарку ехали местные помещики. Им нужен был сахар, чай, вино. Они обгоняли мужиков, окидывая их из коляски хозяйственным взглядом. Крепостные хватались за шапки и кланялись экипажу вслед.

Явилась уездная полиция в лице самого капитана-исправника. Сверкая пуговицами, он ехал на черной высокой лошади.

Без конца гудели колокола. Люди, телеги, лошади, коровы все еще двигались во Святые горы. Через час монастырская площадь была черным-черна.

Из своего имения ехал на ярмарку верхом на деревенской лошадке молодой Александр Сергеевич Пушкин. Красная рубаша с голубой лентой вместо пояса вздувалась от ветра. Сапоги, смазанные дегтем, болтались у самой земли. Железная палка его лежала поперек шеи лошади.

Вдали, среди молодой зелени, мелькнул, наконец, голубой купол монастыря.

Пушкин догнал дворового, слез с лошади, отдал ее человеку и отправился к монастырю пешком.

Ярмарка шумела издали.

Толпа колыхалась. В тесноте среди криков и ржания шел оживленный торг, слышался смех. Мелькали поднятые оглобли телег. Лошади в хомутах отдыхали у возов. Под телегами собаки стерегли дугу и вожжи.

Пушкин протиснулся к возам ближе. Его белая шляпа то тонела, то всплывала среди мягких картузов и платков.

Глиняные чашки, тарелки, горшки, блестящие и чистые, стояли на земле у телеги.

Пушкин стукнул легонько своей тяжелой палкой по горшку. Раздался чистый звон. Пушкин прислушался и тихо рассмеялся.

— Сколько? — спросил он, хотя и не собирался покупать.

Не дожидаясь ответа, он пошел дальше.

У соседнего воза продавались сухие лыки. Мужики шупали их, гнули и расправляли.

Закопченный кузнец перебирал на разостланном мешке самодельные крюки, петли, скобы.

— Эй! кричал кузнец. — Кому залезные крюки?

Но голос его терялся в непрерывном гудении базара. Иногда из общего шума вырывались высокие голоса женщин или неожиданный крик петуха.

На минуту послышалось, точно принесенное ветром, пение нищих. Пушкин насторожился, но голоса вдруг пропали. Их покрыл отчаянный крик.

— Братцы, — вопил мужик, — новый армяк украла!

Худое лицо мужика было серым, точно земля. Пушкин, не огрываясь, глядел в его полные горя глаза. Он полез в карман за деньгами, но мужика окружили люди, он исчез.

Через несколько шагов Пушкин столкнулся с михайловским старостой. Тот узнал его тотчас же и снял шапку.

— Что ты здесь делаешь? — рассеянно спросил Пушкин и вдруг строго проговорил: — дома, что ли, работы мало, смотри!

— Батюшка, Александр Сергеевич, — ответил староста, — свечи и лапти надобно купить, а также чернильных срезков, а также...

Но Пушкин его уже не слушал и повернулся к нему спиной.

У монастырской стены Пушкин остановился перед седой старухой. Она сидела на земле, скрестив ноги в веревочных лаптях. Перед нею на тряпке лежали холодные почерневшие блины. Каждого проходящего старуха упрасивала ласковым дрожащим голосом:

— Детки, блиночки хорошие...

Никто не останавливался, и старуха принималась рассказывать что-то в пространство.

Пушкин подошел к старухе, и она снова быстро заговорила:

— Купи, родненький, блиночков, купи, сыночек...

Пушкин бросил ей монету и сказал:

— Ешь, бабушка, уже заплочно.

Старуха, ничему, казалось, не удивлявшаяся в жизни, прервно поднялась с земли и поглядела испуганно в лицо Пушкину. Она недоверчиво тронула его за рукав рубахи, закланялась и отступила.

— Простите, барин, обозначалась старуха.

— Бог простит, — засмеялся Пушкин и повернул обратно к возам.

Он увидел молодого цыгана с кнутом через плечо. Цыган шел медленной упругой походкой и небрежно поглядывал по сторонам. Тотчас же

Пушкин вспомнил бессарабские степи, Кишинев, молдаван и длинные дороги с верстовыми столбами по сторонам. Города, аулы, почтовые станции, деревни промелькнули перед ним. Он любил Россию. Печальные мысли о своей судьбе взволновали его. Что делать ему в России? Не ездить же ему на охоту и лупить дворовых вместе с помещиками.

Он не слышал уже гула ярмарки. Губы его сильно выдавались вперед. Он быстро шел опустив глаза. Казалось, он что-то ищет.

Вдруг молодой играющий голос крикнул:

— Смотрите, девушки, какой красивый!

Он остановился и увидел круг деревенских девушек, чисто одетых и оживленных. Губы Пушкина дрогнули. Одна из девушек подошла крадучись к нему, дернула ленту и бросилась прочь. Раздался хохот.

— Как же у него когти длиннущие, — смеялись девушки, — как у чорта.

Пушкин тоже рассмеялся и пошел прочь. Он протолкался к чистому ряду палаток, где сверкали бутылки с вином, и вежливые торговцы отвечивали дороге товары. Он купил несколько апельсинов, рассовал по карманам и, найдя очищающую апельсины, стал есть.

Проехала новоржевская коляска. Помещики испуганно посмотрели на Пушкина, а он прошел равнодушно, даже не кивнув.

Снова подошел он к монастырю. Та же старуха сидела у стены. Рядом с ней расположился какой-то желтый старик. Он держал обеими руками блин и жевал его с жадностью. Старуха рассказывала что-то, и Пушкин приблизился, стараясь услышать.

— Приемыша моего били, — страстно говорила старуха, — он от рекруты убежал, дали сорок палок, аж вспотел он весь, господи!

Совсем близко послышалось тягучее пение нищих. Пушкин насторожился. Вот их-то ему и нужно. Нищие сидели на земле у западных ворот.

Их голые черепа блестели на солнце. Пушкин направился к ним. Нищие продолжали петь; у одних глаза были закрыты, у других широко открыты, но мертвы, как стеклянные. Мальчики обходили народ с шапками в руках.

Слепцы не тронулись с места, когда к ним подошел Пушкин. Он встал позади и прислушался. Народ, бродивший вокруг, остановился.

Что за человек с длинными баками?

Пушкин стал подпевать нищим и сел на землю. Толпа перед старцами быстро росла.

— Что за чудо! — бормотали мужики.

— Зуевский барин, Пушкин.

Мужики ухмылялись.

Михайловский человек всем объяснял, что барчук и дома обходительный и простой.

— Он прислан к нам, — шептал мужик, — под началом находится.

— Не мужик, а под началом, — многозначительно проговорил высокий старик.

Слепцы окончили стих и затянули новый.

Пушкин сидел на земле и задумчиво отбивал такт.

Толпа перестала двигаться, вслушиваясь в глухие старческие голоса.

Из-под той страны из-под восточных
Выставала туча темная, грозная;
Да из той из тучи грозной темной
Выпадала книга голубиная.

Мужики забыли об ярмарке. Они стояли, как дети, и думали о голубиной книге, о том, что в ней написано.

«Барин в мужицкой одеже поет с нищими у монастыря», — разнеслось по ярмарке, и кучки недоверчивых, любопытных двинулись к западным воротам. Все больше собиралось народа. Толпа загородила вход на ярмарку. Стоящим позади плохо было слышно, они напирала, и толпа волновалась.

Нищие торжественно пели. Пушкин положил свою палку на колени и подтягивал:

Зачадили князья со боярами
От честных мошей от Адамовых,
Завелось крестьянство православное
От того колена от Адамова.

Стихи кончились, нищие беззвучно шевелили губами, но толпа молчала.

Иерусалим град — городам мать, —

пели нищие.

— Раздайсь, раздайсь! — загремел голос.

Капитан-исправник на лошади врезался в толпу. Бабы завизжали, народ выбросило за ворота. Только нищие сидели не шевелясь.

— Мы божи люди.

— Проход загородили! — заревел капитан-исправник.

Мужики стояли теперь послушно, но лица их стали каменными.

Красная рубаша Пушкина среди лохмотьев нищих била в глаза. Он попрежнему сидел на земле.

— А ты кто такой? — заорал исправник. — Встать!

Исправник закашлялся. Толпа зашевелилась, зашелегла. Исправник еще сильнее рассвирепел.

— Вста-ать!

Пушкин в ответ усмехнулся.

— Староста, сюда! — взревел исправник. — Возьми его, где становой?

Староста, бородатый старик, пробрался к Пушкину. Тот, сидя на земле, проговорил:

— Скажи ему, что я его не боюсь, он меня не боится, и квит!

Староста не успел что-либо сказать.

— Возьми его, что смотришь! — снова закричал исправник.

Пушкин весело улыбнулся.

— Ладно!

Он вскочил, бросил нищим беленькую и легко двинулся вперед. Вслед за ним пошел староста. Толпа раздалась по сторонам. Орущего исправника затерло среди народа, но он вырвался, наконец, и издали поехал за Пушкиным. Капитан-исправник был озадачен поведением арестованного.

Так прошел Пушкин через всю ярмарку. Улыбка постепенно сходила у него с лица. Он остановился

у небольшой избы, крытой тесом. Рядом стоял хлев для арестантов. Это была полиция.

При виде едущего вдалеке исправника Пушкина вдруг охватило бешенство. Он еле дождался пока капитан-исправник слез с лошади.

— Как ты смеешь? — запальчиво крикнул Пушкин. — Ты знаешь, кто я?

Вокруг них улица была пуста. Капитан-исправник вдруг успокоился. От него сильно пахло вином.

— Царь ты, что ли? — подмигнул исправник.

Пушкин схватился обеими руками за палку. Глаза его стали огромными. Он яростно крикнул: «царь!», но вдруг сжал губы.

— Я — Пушкин, здешний...

В это время спешно подошел становой. Он не поклонился даже начальству и торопливо сказал:

— Что ж вы, батюшка, это вздумали? — и указал на штаны Пушкина.

— Что ж вы, батюшка, вздумали мужиком представиться? — в замешательстве повторил вслед исправник.

Пушкин вежливо отвечал.

Капитан-исправник снова сказал:

— Не признали, батюшка.

Пушкин отвечал еще учтивее. Затем он раскланялся и ушел.

На ярмарку глядеть ему больше не хотелось. Он пошел домой. Желтая пыль поднималась с дороги при каждом шаге, и сапоги его, смазанные дегтем, потускнели. Просторные мужицкие штаны болтались.

Изредка показывались навстречу рябые верстовые столбы. Прямая оранжевая дорога с канавами по бокам стремительно уходила вдале. Зеленые полосатые поля подступали на горизонте к самому лесу. Пушкин свернул с большой дороги и пошел по направлению к Михайловскому.

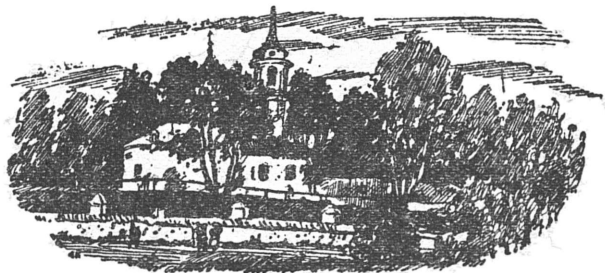
— Россия еще покажет себя! — вдруг выкрикнул он и изо всей силы швырнул вперед свою палку. Показался барский дом. Михайловские сосны приветственно шумели. На крыльце ждала Александра Сергеевича седая няня. Он обнял ее со словами «нянюшка, нянюшка» и рассказал все, что с ним произошло. Затем они вместе пошли в дом.

Ярмарка во Святых горах к вечеру затихла. Старуха с блинами покинула, наконец, свое место у стены и пошла по темнеющим рядам.

«Ешь, говорит, милая, заплочено», — без конца рассказывала старуха.

Ночью было холодно, но мужики устраивались на отдых под возами, и каждый вспоминал мужика в красной рубаше.

— Барин, — недоверчиво говорили, — нет, не барин. Мы господ навидались.

Рисунки А. Каплуна

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

... Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом
Пушкин

1

Великое молчание снегов,
Любимое, хоть не за что любить!
Подкошенная, под ноги валится
В ледяшку превратившаяся птица.

Далекий трубный звук. Откуда он?
Дорогу грудью пробивают сани,
И во весь рост, укрытая платком,
И только зубы яркие, как сахар,
И широко открытые глаза.

Далекий трубный звук! То темный лес
Сбегается под снежные знамена!
Вы, Александр Сергеевич, всему
Хозяин полный. Это ваше право
Заставить девушку, чье имя даже
Неведомо,
Войти в стихи навек,
Снега — не таять,
Заставить луч прощальный
Длиться вечно!

И все-таки —
Вы одиноки, как вы одиноки!
И девушка назад не обернется,
Короткий луч обратно не вернется,
И все чередования, все сроки
Исполнятся.

Но оглянись, постой.
Пусть твой широкий, твой открытый лоб
Вдруг озарит алмазная зарница,
Пусть белка ядра крепкие грызет,
Скорлупкам золотым теряя счет,
Пусть родине простая сказка снится.

2

Далекий трубный звук... Да, это печь,
Где словно в кузнице пыхтят меха,
Где маленькие кузнецы огвя
Стучат по красивым, смоляным поленьям.

Там добрый, терпеливый, русский чорт
В лихой, пунцовой шапке яkobинской

Смешные рожи корчит на стене,
Но подчиненный щучьему веленью
В мгновение уносится в полет
На домотканном платке, предке АНТ-а.
Что Франция, что Англия ему?
Весь мир за миг пройти умеет сказка.
В Михайловском, в сугробах голубых
Медлительные шествуют гиганты.

И первым входит, наклонив парик,
Царей корреспондент, подагрик едкий,
Враг всех религий и Кандида друг.
Он желчно усмешается: «Меня
Из Пантеона вырыли смутьяны,
Три дня валялись кости подле свалки,
Украли череп мой, но как ни странно,
Я жив, а кто меня топтал — мертвы!»

В ту ночь в снегах оставили следы
Подошвы легкой обуви актерской
Трагедий автора, что сам легенда,
И поступь тяжкая хромого лорда...

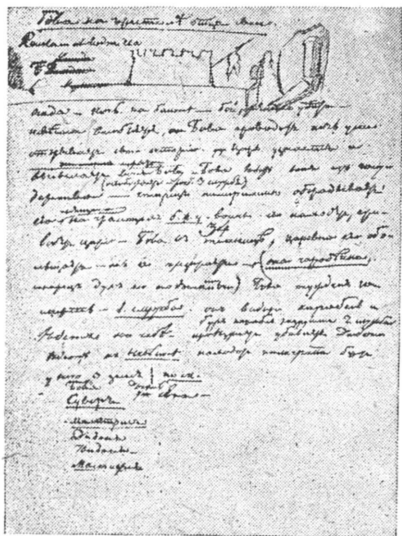
За ними шел слепой воитель грек,
И медленно переступал порог
Еще живой, уже бессмертный Гёте.

То гениев согласная беседа
Велась под улюлюканье ветров,
В убогой комнате, где колченогий стол
Подперт был книгами. Где желтый штрих
Свечи еще сильнее чернил углы,
И все бессилье, вся нужда России
Стучали в кровлю, сотрясали дом.

3

О чем поет далекая труба?
О том, что слово стало всенародным,
Что люди этот дар в сердцах несут —
Строитель, мореход, молотобоец,
Пастух, овец ведущий в Дагестане,
Им знаменита горная тропа.

Он с гениями говорит, как равный.
Он сбросил в пропасть рваный плащ раба.
И в гордом пении рогов заздравных
Откликнулась далекая труба.

Черновой набросок незаконченной поэмы „БОБА“ (1815 г.), написанной под влиянием „Бовы“ А. Н. Радищева

ПУШКИН — автопортрет

О, Вольтер, о, муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почтали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который из Радищева

Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

„Бова“ (отрывок из повмы)

ПУШКИН НА ЛИЦЕЙСКОМ ЭКЗАМЕНЕ. С картины И. Репина

Он (Державин) дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь... Наконец вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение...

Пушкин, О Державине (30-е годы)

НАСЛЕДИЕ ПУШКИНА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА*

Празднование столетнего юбилея со дня смерти великого народного поэта, родоначальника новой русской литературы и создателя русского литературного языка, является подлинным торжеством социалистической культуры. В стране, где ликвидированы эксплуататорские классы, где трудящиеся всех национальностей впервые обрели возможность свободного творческого развития, произошло

подлинное освобождение творчества Пушкина от запретов царской цензуры и охранки. Во многих тиражах распространены произведения Пушкина по всем концам нашей великой страны. Народы, которые до Великой Пролетарской Революции даже не имели своей письменности, читают произведения его на своих языках. В далеких гундрах севера и в знойных степях юга, там, где в царские годы целые национальности были обречены на вымирание, теперь сияют маяки социалистической культуры, расцветает новая культурная жизнь. Изучая произведения Пушкина, наш советский читатель ценит в них органическую жизнерадостность, веру в силу исторического прогресса, гениальное проникновение в события эпохи. Сравнивая изображенную в пушкинских произведениях действительность с действительностью наших дней, советские читатели учатся ненавидеть прошлое, которому нет возврата, и воодушевляются в борьбе за еще более радостное будущее.

Весь жизненный путь и творчество Пушкина неразрывно связаны с русским освободительным движением.

О периоде, в продолжение которого развернулась деятельность Пушкина, Ленин писал:

* Статья в развернутом виде будет помещена в январском номере «Красной Нови».

«Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует, ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли разбудить народ.» * Своим художественным словом Пушкин участвовал в деле декабристов, будил не только поколение Герцена, но и последующее за ним революционное поколение. О значении пушкинского творчества в эпоху

Николаевской реакции Герцен писал: «Одна лишь звонкая и широкая песня Пушкина звучала в долине рабства и мучений. Эта песня продолжала эпоху прошлого, наполняла звуками настоящее и послала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением». В творчестве Пушкина отразилась вся эпоха с ее противоречиями — самодержавием, крепостническим гнетом, восстанием декабристов и крестьянскими бунтами. Непростительные Пушкиным о трезвейшей истории русской могли быть разрешены только той ломкой самодержавного строя, которую произвела Великая Пролетарская Революция. В самом начале своего жизненного пути Пушкин восстал против самодержавного крепостнического государства. Духом критицизма и острого социального протеста

наполнена лирика Пушкина, его байронические поэмы, «Борис Годунов», «Медный всадник», художественная проза. Протест против угнетения личности, эксплуатации человека, подавления свободных творческих порывов звучит не только в больших эпических произведениях Пушкина, но и в посланиях к друзьям, в мелких посвящениях, в шуточных экспромтах. Пушкин ненавидел Россию Николая-Бенкен-

* Ленин, т. XVI, стр. 575.

К пушкинским дням Изогизом выпущен плакат художника Клуциса, посвященный А. С. Пушкину

дорфа. В этой ненависти скрывалась горячая любовь поэта к родине, к великому русскому народу, страдавшему под гнетом самодержавия и крепостничества.

Гуманизм Пушкина является глубоко отличным от гуманизма не только многих его современников, но и позднейших писателей. Понятие о гуманизме было искажено буржуазными пошляками, которые вкладывали в него враждебное народу содержание. Под гуманизмом реакционные буржуазные дворянские писатели подразумевали слепою покорность угнетенного угнетателям, превращая его в бессодержательные фразы о «любви к ближнему». Пушкинский гуманизм вырос из подлинной горячей любви к своему народу и желания действительного освобождения всего человечества от мира угнетения и рабства. Этот гуманизм Пушкин воплотил во всех своих произведениях. Пушкинский гуманизм выразился и в его протесте против крепостного права, и в воспевании всех лучших чувств, пробуждающихся в душе свободной личности. Он проявился и в отношении к женщине, за которой Пушкин признавал полную свободу духовного развития. Но вместе с тем пушкинский гуманизм был лишен той ложной сентиментальности и сусальности, которые были свойственны многим писателям его эпохи. Пушкин сознавал, что исторический процесс далеко не идеален, что он требует жертв и что путь человечества к прогрессу—это путь борьбы и лишения. С этой точки зрения характерно мнение о Петре. В своих заметках он неоднократно отмечал жестокость Петра, в деятельности которого было много от «самовластного помещика». Но вместе с тем великий поэт понимал, что исторически деятельность Петра была прогрессивна. И с этой точки зрения деятельность великого реформатора высоко ценилась Пушкиным, и эта оценка, конечно, не противоречила его гуманизму. С исключительной остротой показал Пушкин обреченность феодализма в «Сценах из рыцарских времен». Но вместе с тем он критически изобразил и явления, вызванные развитием капитализма. В «Скупом рыцаре» он показал власть денег, основанную на преступлениях, крови и поте. В «Пиковой даме» он продолжил художественное изображение отрицательных сторон новой капиталистической эры (образ Германа, готового любыми путями завоевать дорогу к деньгам и власти). Указывая на необходимость заимствования Россией лучших элементов «европейского просвещения», Пушкин в то же время понимал, что буржуазный демократизм покоится на господстве меньшинства над большинством и вовсе не олицетворяет собой действительной свободы народа. Он понимал, что в буржуазных государствах антагонизм между правительством и народом не исчезает: «В Англии,— писал он,— правительство только тогда и показывается народу, когда приходит стучаться под окнами, собирая подати. Во Франции—тогда, когда оно выводит свои пушки против площадного мятежа». Наконец, не прошло мимо внимания Пушкина и положение пролетариата: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы станут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных изгнаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой,—

страшная бедность!.. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника...» Великий народный поэт, сумевший рассмотреть в поступательном движении истории то, что не было заметно его современникам, мечтал об ином будущем русского народа. Он видел, что буржуазный строй Западной Европы, основанный на лицемерии, лжи и власти денег, все же был несравненно прогрессивнее самодержавно-крепостнического режима России. Но, пламенно веруя в силы своей родины, мечтал о других путях ее развития, хотя эти пути и не были ему ясны.

Огромная любовь Пушкина к народу с наивысшей яркостью сказалась в следующей записи: «Только революционная голова, подобная Пестелю и М. Орлову, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке». Народ с его прямодушием, одаренностью, ненавистью к угнетателям, с богатым гибким языком, с замечательными песнями и сказками—вот, по мнению Пушкина, лучшее, что было в России. Для этого народа творил он свои бессмертные произведения и героически продолжал отстаивать независимость правдивого слова от внешнего давления самодержавного государства.

«Искусство принадлежит народу. — говорил Ленин;— Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысли, волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их.* Такое искусство было мечтой Пушкина. Пушкин понимал, что для развития подлинного народного искусства требовалось изменение существующего строя. «Отчего же у нас нет народной трагедии?»—писал Пушкин: «Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную... трагедию низвести на площадь—но какие препятствия! Трагедия наша... может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек, от своего разговора, размеренного, важного и благопристойного?.. Где, у кого выучиться наречию, понятному народу? Какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучие,—словом, где зрители, где публика?» И после этих пессимистических рассуждений Пушкин делает заключение, что для расцвета народной трагедии «надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи и нравы и понятия целых столетий».

В своем творчестве Пушкин стремился к созданию подлинного народного искусства. Он вырабатывал простой и ясный, понятный народу язык, искал темы, тесно связанные с народной жизнью. На всем протяжении своего творческого пути у Пушкина не ослабевал интерес к темам народных мятежей и восстаний. Изображая в «Борисе Годунове» борьбу царя с боярами и поход самозванца на Москву, Пушкин в широкой волне народного движения сумел показать решающую роль народа в борьбе партий за власть. С огромной

*) Клара Цеткин. «О Ленине». Партиздат. М. 1933. стр. 34-35.

художественной силой развернута тема крестьянского восстания в исторической повести «Капитанская дочка». В понимании причин пугачевского восстания и движущих сил его Пушкин смог подняться до уровня больших исторических обобщений. «Весь черный народ был за Пугачева», — писал Пушкин. — «Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». С большой симпатией рисовал поэт образ Пугачева, который еще более выигрывал в сравнении с изображенными здесь руководителями царской армии — усмирителями восстания. Отношение Пушкина к крестьянскому восстанию было противоречиво. Многие в этих восстаниях пугало его, но николаевской политике кровавых расправ он противопоставил требование гуманного отношения к крестьянству, к его нуждам.

К какой бы отрасли литературы Пушкин ни подходил, всюду проявлялась свойственная ему забота о просвещении народа. Мы знаем, что необходимость образования национального русского языка он рассматривал, как политическую задачу. Политический подход характерен в обращении Пушкина и к другим отраслям литературы. Так, говоря о роли литературной критики, Пушкин писал, что благодаря критике «мало-помалу образуются и уважение к личной чести гражданина». Многообразна была деятельность Пушкина. Создатель русского литературного языка, родоначальник новой русской литературы, критик, журналист и историк, он всюду внес свой гений новатора, сокрушавшего догмы феодально-крепостнической идеологии.

Советская литература может многому учиться у Пушкина. Пушкин не создавал ни одного большого произведения без того, чтобы не подумать о значении его для развития русской литературы. Когда он писал свое произведение «Борис Годунов», то он осмыслял его с точки зрения необходимости поворота в русской драматургии от классической придворной трагедии к трагедии подлинно народной. Когда он писал «Повести Белкина», то этим самым он произвел целую эпоху в развитии русской литературы, впервые с огромной художественной силой изобразив «ничтожного героя», которого салонная поэтика догматически запрещала изображать. Наконец, и к разработке темы мятежей и восстаний Пушкин подходил как политик. Он сознавал, что изучение истории России поможет понять настоящие потребности народа и специфические особенности русского исторического процесса. Создавая свои художественные произведения, Пушкин стремился подчинить все образительные средства заданием идейным. Он презирал французских романистов 20—30-х годов, которые особое внимание обращали на форму своих произведений, не заботясь об их содержании. С исключительной добросовестностью собирал он материалы для своих произведений, деятельно изучая окружающую действительность, посещая исторические места, находившие отражение в его произведениях. Его творчество является подлинным синтезом мировой культуры. Огромная библиотека Пушкина включала в себя книги многих эпох и народов. С исключительным вниманием и любовью относился он к народному творчеству,

видя в нем неиссякаемый источник для творческого вдохновения. Наконец, к самому творческому процессу Пушкин относился как подлинный реалист. В то время как многие его современники считали художественное творчество лишь плодом снизошедшего с неба вдохновения, он утверждал, что главное для писателя — это упорный труд, без которого не может быть создано ничего «истинно великого». Высокая ответственность Пушкина за каждое слово, неустанное совершенствование мельчайших деталей своих произведений являются достоянным уроком для наших писателей. Он не печатал ни одного произведения, которое не удовлетворяло бы его требованиям «взыскательного художника». Все эти черты, характерные для Пушкина-художника, чрезвычайно близки задачам нашей советской литературы.

Наконец, следует отметить и огромное познавательное значение творчества Пушкина. В его произведениях нашли отражение все народы и страны мира. Величайшее произведение мировой литературы «Евгений Онегин» справедливо названо Белинским «энциклопедией русской жизни». Не даром Маркс и Энгельс изучали «Евгения Онегина» как историко-познавательный документ. Многообразное пушкинское творчество, с его богатством жанров, тематики и сюжетов, является для нас сокровищницей, непрерывно обогащающей не только культуру нашей страны, но и всю мировую культуру прогрессивного человечества.

Пушкин в продолжение всей своей жизни мечтал о строе, в котором человек обретет возможность всестороннего, ничем не подавляемого развития своей индивидуальности, возможность творческого труда и наслаждения всеми сокровищами искусства и культуры. Пушкин мечтал о равноправии национальностей, о праве человека на счастье, независимо от цвета кожи и от языка. Все эти мечты, дорогие всему прогрессивному человечеству, осуществляются в стране социализма. Сталинская Конституция свидетельствует о рождении нового мира, несущего с собой невиданный в истории расцвет культуры и полное уничтожение преград, мешающих развитию в человечестве всех его способностей и талантов. В то время как фашизм уничтожает лучшие памятники человеческой культуры, огнем и мечом стремится возродить ужасы средневековья, пролетариат поднимает творчество Пушкина, как знамя, зовущее к борьбе за социальную справедливость, за подлинный гуманизм. Великий революционный критик Белинский писал о Пушкине: «Придет время, когда он будет образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство». Это время пришло. Творчество Пушкина является для нас не только гениальным отражением одного из величайших этапов русской истории, но и «неиссякаемым источником духовного обогащения нынешних и грядущих поколений человечества». Жизнеутверждающая музыка пушкинского творчества волнует нас, как напоминание о взорванной революции «тюрьме народов» и как призыв к завоеванию новых побед в борьбе за счастье человечества — побед коммунизма.

ПРИНЦИПЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

1

Гениальное художественное совершенство поэзии Пушкина и его огромная роль в преобразовании литературного русского языка и стиха ставят вплотную вопрос о художественных принципах, о стиле поэзии Пушкина. Проблема стиля и художественного мастерства Пушкина — одна из самых сложных и вместе с тем почти неисследованных проблем пушкиноведения.

Насколько неуловим и поразителен «секрет» мастерства Пушкина можно судить хотя бы по тому, что все попытки подражаний Пушкину и стилизации его стихов не дали сколько-нибудь полноценных результатов. Хотя обычно часто говорят о «простоте» и «гармоничности» поэзии Пушкина, однако сколько-нибудь конкретного объяснения того, какими средствами достигается эта «простота», не дано.

Многое в пушкинской поэзии, в ее художественных принципах становится яснее, если привлечь высказывания и суждения Пушкина как о своем творчестве, так и о стихах его современников. Эти высказывания Пушкина указывают не только на его необычайную творческую сознательность, но и на широчайший диапазон поэтической культуры, на глубину осознания своих поэтических принципов.

Влияние классицизма в лицейский период творчества Пушкина, мощное воздействие романтизма в начале 20-х годов (байроническая поэма в первую очередь) сменяются реалистическими принципами, определяющими расцвет пушкинской поэзии. Это не значит, однако, что реалистические элементы и тенденции отсутствовали в лицейских стихах Пушкина или в его произведениях, шедших под знаком романтизма. Реалистические тенденции были уже в лицейских стихах и они-то и позволили Пушкину неуклонно двигаться по пути к реализму. Если схематически представить себе творческий путь Пушкина от лицейских стихов к таким произведениям, как «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Медный всадник», к таким лирическим стихам, как «Осень», «Туча», «Румяный критик мой», «Я памятник воздвиг» и др., то этот путь условно можно определить, как движение Пушкина от классицизма через романтизм к большому реалистическому искусству. Пушкин, вбирая на разных этапах своего творческого развития элементы классицизма и романтизма, шел своим собственным путем к созданию новой реалистической по своей основе поэзии.

2

В своей «Вакхической песне» Пушкин провозгласил торжество разума, победу «бессмертного ума» над «ложной мудростью» религии, мистики, всего неясного, темного, враждебного человека-

ской мысли. Это стихотворение, написанное в 1825 году, в эпоху полной творческой зрелости Пушкина, не только является свидетельством жизнетворческого оптимизма, бодрой революционной устремленности мировоззрения Пушкина, но говорит о рационалистическом характере его поэзии.

Мощное воздействие французской литературы, на которой воспитывался Пушкин, влияние просветителей и рационалистов XVIII века — Вольтера, Дидро, Монтескье, Руссо — определяло не только политические и философские воззрения Пушкина, но и его поэтические принципы.

Все творчество Пушкина, все его мировоззрение проникнуто глубоким гуманизмом, утверждением личности, противопоставленным подавлению личности в феодальном обществе. Раскрытие личных переживаний, освобождение личности от абстрактных представлений о долге, чести, любви, подчиненных незыблемым основам иерархической системы феодализма, являлись источником жизненности стихов Пушкина, их реализма.

Условному поэтическому «языку богов», поэзии, превращающей идеалы феодального общества в поэтические эмблемы, Пушкин противопоставил правдивое отображение внутренней жизни человека, поэзию его дум и страстей.

Этой правдивостью своей поэзии, этим преодолением абстрактного мышления, довлеющего над поэзией французского классицизма, Пушкин не только сделал свои стихи чрезвычайно «человеческими», близкими и понятными в нашу эпоху, но и пришел к тому реализму, который особенно ощутительно сказался в вещах Пушкина 30-х годов.

Эстетика классицизма воспринята была Пушкиным не только непосредственно от Буало, но и через преломление ее у эстетиков и популяризаторов ее конца XVIII в. (Баттё, Лагарп), а главное, в преломлении тех новых идей, которые принесли с собой французские просветители и энциклопедисты (Вольтер, Дидро). И хотя французские просветители во многом принимали классическую эстетику Буало, но в их истолковании она приобретала более реалистические черты. Представитель наиболее передового крыла просветителей — Дидро — уже закладывал основы реалистического искусства. Хотя просветители оставались в основном еще в пределах рационалистического учения об искусстве, однако они выдвигали уже и материалистическую природу искусства.

Материализм просветителей, при всей своей ограниченности, был направлен на «земной мир», был чужд той абстрактности, которую узаконила система классицизма.

Этот материалистический эпикуреизм, это обращение к «земному миру» отличает и лицейские

стихи Пушкина поры наибольшего воздействия на него эстетики и поэтических принципов классицизма. Эпикурейстическая, «земная» тематика лицейских стихов уже намечала реалистические тенденции творчества Пушкина, при всей условности и поэтической традиционности своих образов и тем. В своей статье о Вольтере (1834 г.) Пушкин, отмечая влияние рационалистической и материалистической философии XVIII века на поэзию, говорит: «Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека». Именно это новое отношение к поэзии, как к «умственной деятельности», которое Пушкин отмечает у Вольтера, и сказалось в поэзии самого Пушкина, поэзии прежде всего «умной», но только глубоко насыщенной содержанием, не и поразительно точной и ясной по своему выполнению.

Поэтика классицизма выдвигала в своем теоретическом «Коране» — «Искусстве поэзии» Буало — прежде всего требование смысловой точности, «ясности», «чистоты» и «гармонии» стиха:

«Певец! умей полет свой смыслу покорять,
Свои стихи рассудком озарять».

На ряду с гармонией поэтика классицизма требовала «чистоты» языка:

«Да будет чистота в языке сохраненна
И в сладостны часы парения священна...»

Требования «ясности», «простоты», «гармонии», восходящие к поэтике классицизма, Пушкин постоянно повторяет в своих теоретических высказываниях и оценках стихов своих современников. Так, в набросках статьи о Баратынском (1827—1831 гг.) он противопоставляет «верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность» стихов Баратынского «преувеличениям» «модной» романтической поэзии. В поэзии Жуковского и Батюшкова Пушкина также привлекает «гармоническая точность», в стихах Дельвига он приветствует «точность языка».

Пушкин ориентируется на поэтов французского классицизма (Буало, Вольтера, Расина), но не на русских «классиков» из лагеря «Беседы» (Ширинского-Шихматова, Хвостова, Боброва) и даже не на представителей русского классицизма XVIII века (Петрова, Хераскова, Николаева и др.).

Классическая поэтика с ее строгим разграничением жанров сказалась и на жанровой четкости стихов Пушкина лицейского периода. До 1826 года Пушкин делит свои стихи на жанры: элегии, послания, подражания древним, хотя уже к этому времени четкость жанрового членения исчезает, и вскоре Пушкин от нее и вовсе отказывается. Излюбленные жанры лицейских стихов Пушкина: послание, элегия, ода, сатира, но на ряду с ними уже появляется и романс и песня.

Эстетика классицизма оказала весьма значительное воздействие не только на стихи Пушкина лицейского периода, но и на многие из поэтических принципов его зрелых произведений. Принципы гармоничности, ясности, точности, которые столь замечательно осуществлены в стихах Пушкина, являлись в значительной мере результатом усвоения принципов поэтики классицизма. Но эти принципы были даны Пушкиным в их новом качестве, преодолевшем абстрактность и условность канонов и «правил» классицизма, обогащены новым

содержанием, глубоким внутренним чувством и «земной», реалистической правдивостью. Принимая прогрессивные элементы классицизма, Пушкин прекрасно понимал его отрицательные черты, его ограниченность, абстрактность, его придворный аристократизм. Пушкин протестует против аристократической замкнутости и условности классицизма, в первую очередь против условности драматургических «правил», борясь с ними во имя «естественности», во имя реализма. Эту борьбу Пушкин ведет не только в области драмы, но и во всем своем творчестве. В то же время Пушкин борется и с «легкой поэзией» эпигонов французского классицизма, которой и сам он отдал дань в лицейские годы. «Мелкость», поверхностность чувств и переживаний, увлечение «безделками», характеризовавшие поэзию, которая перепевала уже готовые образцы, особенно возмущали Пушкина. В его представлении поэзия являлась «благоговейным служением», огромной общественной силой.

Восставая как против «жеманства», «снапудренности» и аристократизма французского классицизма, так и против «блестящих безделок» представителей «легкой» эротической поэзии и русских карамзинистов, Пушкин, подобно Дидро и передовым писателям Франции времени революции, обращается к подлинному классицизму, к античности.

3

Поэтика классицизма, своей прогрессивной стороной, во многом способствовала формированию поэтических принципов Пушкина. Однако ее ограниченность, ее логический априоризм не дали возможности полно и правдиво раскрыть то новое содержание, то гуманистическое утверждение личности, которое стремился выразить в своей поэзии Пушкин.

Могучее влияние западно-европейского романтизма не только расширило идейное содержание творчества Пушкина, но и обогатило его поэтический опыт. Романтизм подсказывал Пушкину в начале 20-х годов выход из «сетей» нормативной эстетики классицизма. Романтизм обогащал новым идейным наполнением его поэзию, давая выход гуманистическому утверждению личности. Именно бунтарская струя в романтизме — байронизм — особенно близка была Пушкину. Вместе с тем Пушкин не удовлетворен теми определениями романтизма, которые высказывают его современники. Он настаивает на своем «истинном романтизме», под которым он подразумевает не только «свободу» от правил, но и правдивое всестороннее изображение действительности.

Стремление Пушкина к выражению личности, к показу внутренней жизни человека получило наиболее полное осуществление в его южных поэмах. В своих романтических поэмах — «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» — Пушкин ставит прежде всего задачу создания характера, показа внутренней жизни и психологии человека. «Кавказский пленник», — писал Пушкин в 1830 г., — «первый неудачный опыт характера». Индивидуализация героя совмещается здесь с бунтарским протестом, с противопоставлением героя обществу. Романтические поэмы Пушкина знаменовали не только отказ от прежнего

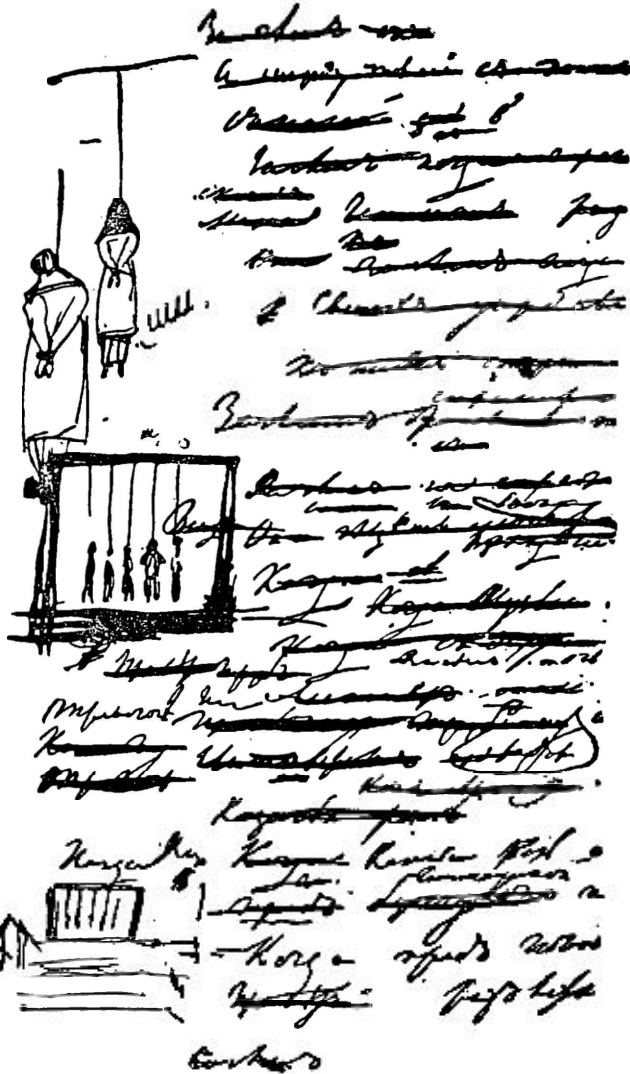

Пушкин в Каменке среди декабристов. Рис. Д. Кардовского

К. Ф. Рылев — поэт декабрист. Казнен в числе пяти декабристов 13 июля 1826 г.
 „Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке — но он идет своей дорогою“.
 Пушкин о Рылевсе (1825 г.).

Так было над Невой льдистой,
 Но там, где ранее весна
 Блестит над Каменкой тенистой
 И над холмами Тульчина,
 Где Витгенштейевы дружины
 Днепром подмытые равнины
 И степи Буга облегли,
 Дела иные уж пошли.
 Там Пестель . . . для тиранов
 И рать набирая
 Холоднокровный генерал,
 И Муравьев, его склоняя,
 Исполнен дерзости и сил,
 Минуты вспышки торопил.

„Евгений Онегин“, отрывок
 из X сожженной главы. 1830 г.

Автограф Пушкина с изображением виселицы и пяти повешенных декабристов

П. И. Пестель — декабрист. Глава Южного Тайного общества. Казнен в числе пяти декабристов 13 июля 1826 г.

Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю.

Из Кишиневского дневника Пушкина. 9 апр. 1821 г.

«лирического героя», ленивого философа-эпигурейца лицейских стихотворений, но и отход от пасторальной и условной декорации, изменение всей стилистической системы Пушкина. В противовес классической поэтике, не признававшей смешения элементов разных жанров, Пушкин в своих романтических поэмах, вслед за Байроном, выдвигает смешение лирических и драматических элементов с эпическими. Новый драматический герой Пушкина — протестант, разочарованный в жизни современного цивилизованного общества, являлся своеобразным идейным и лирическим рупором автора (чего не было в классической поэме), окрашивая всю поэму в лирический, эмоциональный тон.

Этот лирический эмоциональный характер южных поэм Пушкина особенно наглядно сказался в «Бахчисарайском фонтане».

Раскрывая свой внутренний мир, свои переживания и думы, Пушкин освобождается от условной тематики «легкой поэзии» и от жанровых канонов классицизма. Поэзия настроений, полноценность и правдивость переживания, непосредственность лирического обращения поэта выступают уже на первое место. Поэт живет и чувствует уже не в условном, поэтизированном мире, как в лицейских стихах, а среди подлинной жизни, он говорит о своих подлинных радостях и сгдациях. Поэтом и лирика Пушкина приобретает не только более «личный», субъективный (вернее психологически-правдивый характер), но и становится более реалистической. В то же время Пушкин не отказывается от той «точности» и «ясности», которые выработаны были им еще в пределах его прежней лирики.

Это сочетание «романтического» содержания с принципами «классического» обращения со словом и стихом, этот синтез различных друг другу стилей позволили Пушкину противопоставить «ясность» и смысловую насыщенность своей поэзии «туманной» иррациональной поэтике немецкого романтизма и шеллингианства (сказавшихся на русской почве отчасти в поэзии Жуковского, а в 30-е годы — в стихах Веневитинова, Хомякова, Шевырева). Пушкин выступает против идеалистического определения творчества, как «восторга», как интуитивного вдохновения, которое выдвинул Кюхельбекер в своей статье «О направлении нашей поэзии» (в «Мнемозине» 1824 г.), писавший, что «лирическая поэзия вообще не что иное как необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя». Пушкин в ответ на это писал: «восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в отношении к целому» (1826—1827). Пушкин выдвигает, как идеал поэзии, «Фауста» Гете: «Фауст» есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как «Илиада» служит памятником классической древности». Таким образом и по отношению к романтизму Пушкин занял своеобразную и самостоятельную позицию, отсюда и отрицательное отношение у Пушкина к русским и к французским последователям романтизма, неудовлетворенность малыми результатами романтических «свобод» и преобразований.

И в романтизме Пушкин не видит той естественности, той правдивости и простоты, которые он считает необходимыми для «истинного романтизма». Романтическая поэзия во Франции слишком изыскана, слишком риторична, слишком увлекается формальной стороной — «гремушками младенца». Пушкин отрицательно отнесся даже к такому крупнейшему представителю французской романтической поэзии как Виктор Гюго. Считая Гюго одаренным поэтом, Пушкин тем не менее отрицательно отозвался о его стихах, назвал «Восточные стихотворения» Гюго «блестящими, хотя и натянутыми», драму Гюго «Кромвель» он резко осуждает за «нелепости вымыслов», за полный отход от реализма и правдоподобия.

Замечательное определение классицизма и романтизма дано Пушкиным в его статье «О русской литературе с очерком французской» (1834).

Не случайно, что Пушкин понятие романтизма и классицизма сводит здесь к «форме», а не к «духу» (в противовес идеалистической эстетике романтизма), так как задача его сводилась к синтезу того лучшего, того художественно целесообразного, что давали ему эстетика и поэтика классицизма и романтизма. Именно в этом синтезе «форм», в преодолении ограниченности как поэтической системы романтизма, так и классицизма — «секрет» замечательного мастерства Пушкина.

4

Ни поэтика классицизма, ни современная Пушкину теория и практика романтизма полностью не удовлетворили его. Условность и отвлеченность классицизма, идеалистическая «туманность» и формалистические «погремушки» современной Пушкину романтической поэзии были далеки от его стремлений к глубокой смысловой насыщенности, к «умной» поэзии, к легкости и ясной прозрачности его стиховой «фактуры», от его тяги к правдивому, реалистическому отображению действительности. Выход к этому преобразованию поэзии, выход к реализму тесно связан с обращением Пушкина к народности. В этом обращении к народности большую роль сыграли прогрессивные лозунги романтизма, выдвигавшего народность в качестве одного из принципов нового искусства.

Огромное значение придавал Пушкин народному творчеству и языку народа: «только революционная голова, подобная Мих. Орлову и Пестелю, может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке» (1822 г., из черновых записок Пушкина). В этой черновой записи Пушкина мы имеем целую политическую и литературную программу — программу подлинной народности. Любовь к родине возможна, по мнению Пушкина, только для «революционной головы», и эта любовь обязывает писателя быть народным, любить язык своей страны, находившийся в пренебрежении у дворянского общества начала XIX века. Противопоставляя русскую поэзию французской, призывая к отказу от французского языка во имя приближения к языку русского народа, Пушкин далеко опередил свою эпоху, совпадая, впрочем, во многом с позицией декабри-

стов, в частности Пестеля, ратовавших за национальный язык.

Пушкин постоянно собирает и записывает народные песни и сказки. В Михайловском, на Урале — всюду он пополняет свои запасы народного творчества. Пушкин советует «молодым писателям» «вслушиваться в простонародные наречия», призывает к изучению литературы народа: «читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтобы видеть свойства русского языка». «Руслан и Людмила», сказки, песни о Степане Разине, «Песни западных славян», народные баллады «Утопленник», «Бесы» и др. являются достаточно ярким свидетельством этого непосредственного обращения Пушкина к народному творчеству. В своей заметке 1826 года о народности в литературе Пушкин отмечает неясность и путаницу, которые образовались в критике при определении этого понятия: «с некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность». И тут же Пушкин дает свое определение народности: «народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком — ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Все это носит однако ж печать народности».

Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии».

Именно поэтому «народным поэтом» является для Пушкина в первую очередь Крылов, «народными стихотворцами» называет он Ломоносова и Петрарку. Пушкин не ограничивает свое требование народности обращением к истории, к выбору тем и «картин» из русского прошлого, как это рекомендовалось большинством теоретиков романтизма. Он стремится приблизиться к действительности, насытить свое творчество теми элементами народности, которые делали его близким и родным народным массам, и поэтому смог создать поэзию гениальную по своей силе, глубине и правдивости.

Вместе с тем народность пушкинской поэзии не была национально ограниченной или националистической, как «народность» многих его современников. Пушкин первый в русской литературе поднялся до создания европейских мировых образов — Дон-Жуана, Скупого, Фауста; Пушкин первый показал с сочувствием жизнь угнетенных народов царской России — цыган, кавказских горцев, с одинаковым совершенством и уверенностью обращаясь к любой эпохе, к изображению любой страны и народа.

Уже Гоголь отмечает эту народность и «национальность» творчества Пушкина, указав, что он глядит на мир «глазами всего народа».

Белинский еще отчетливее развил и разъяснил значение Пушкина как «народного поэта», с замечательной прозорливостью увидав эту народность Пушкина в «верности русской действительности», в реалистичности его творчества, в обращении к народным источникам.

Мы не имеем возможности остановиться на проблеме народности Пушкина во всем ее объеме. Для нас важно лишь то, что именно обращение к народности, к народному творчеству, фольклору являлось для Пушкина одним из могучих источников реалистического наполнения и языкового совершенства его поэзии. Не случайно поэтому, что обращение к фольклору и рассуждения Пушкина о народной драме, о «просторечии» и народности чаще всего связаны с моментами его обостренных творческих исканий или переломов. Народное творчество, народная речь указывали и здесь Пушкину выход.

Проблема пушкинского реализма органически связана с проблемой народности. Опираясь на народное творчество, на язык народа и противопоставляя их искусственности и окостенению «нормативных правил» классицизма и «туманностям» романтизма, Пушкин пришел к реалистической насыщенности своей поэзии. «Евгений Онегин», эта «энциклопедия» русской жизни того времени, «Борис Годунов», лирические стихотворения 20-30-х годов в разной мере и разными путями претворили эти реалистические начала пушкинской поэзии. Типичность образов и обстоятельств в «Евгении Онегине», «правдоподобие положений» и «правда диалога», выдвигаемые Пушкиным как основное условие трагедии, осуществляются им в его опыте «народной драмы» «Борисе Годунове», правдивость и реалистическая верность образов его лирики, — все это является лишь разными аспектами стремления Пушкина к реализму.

«Истина страстей» и «правдоподобие чувствования» — это не только требования, предъявляемые Пушкиным к драматическому искусству. Они одинаково приложимы ко всему творчеству Пушкина, и в частности к его лирике.

Чем зрелее становится творчество Пушкина, тем больше насыщается оно мыслью, тем реалистичнее его образы и вся структура стиха.

Реалистическая правдивость и вместе с тем глубокая обобщенность лирики Пушкина, ее органическая связь с действительностью отличают большинство стихов его 20-х и 30-х годов. В качестве образца этой реалистической насыщенности, этой правдивости его лирики можно привести стихотворение «Румяный критик мой», предвещающее уже революционный пафос демократического реализма Некрасова.

Этим реализмом своей жизни, этой глубокой правдивостью своих образов и народностью своей гениальной поэзии Пушкин нам особенно близок. Поэтому рассмотрение поэтических средств и принципов поэзии Пушкина, ее реалистического ядра представляет собой особенно существенную задачу. Пройдя сложный и большой путь от «легкой поэзии», от рационалистической поэзии классицизма к романтизму и народности, Пушкин в результате выходит на широкую дорогу реализма.

Кавказ

С литографии 1822 г.

Раскуча жертвой быть привычной
 Дагно презренной суеты,
 И неприязни двуязычной,
 И простодушной клеветы,

Отступник света, друг природы,
 Покинул он родной предел
 И в край далекий полетел
 С веселым призраком свободы.

Пушкин. „Кавказский пленник“. 1820 г

Автограф „Кавказского пленника“ с рисунками.
 В верхнем углу слева изображен Н. Н. Раевский

„Бахчисарайский фонтан“. Иллюстрация
 С. Галактионова

... Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем:
 Я жертва клеветы и мстительных неведж;
 Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
 Я ждал беспечно лучших дней;
 И счастье моих друзей
 Мне было сладким утешеньем.
 Пушкин, „Кавказский пленник“. Посвящение.

Все оттенки мнений, разделявших литературу нашу, слились при появлении „Бахчисарайского фонтана“ в одну похвалу неслыханной еще дотоле гармонии языка, избыточной у нас роскоши стихов и описаний, какими отличалась поэма. В ней видели торжество русского языка!

П. В. АННЕНКОВ

СОЛНЦЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ГОГОЛЬ

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным, это право решительно принадлежит ему. В нем, как-будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин и есть явление чрезвычайное и, может-быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может-быть, явится через 200 лет.

Чтение поэтов всех народов и веков порождало в Пушкине отклик...

И как верен его отклик, как чутко его ухо! Слышишь запах, цвет земли, времени, народа. В Испании — он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец в полном смысле этого слова; с отжившим человеком он дышит стариною времени минувшего; заглянет к мужику в избу — он русский весь с головы до ног: все черты нашей природы в нем отозвались, и все окинуто иногда одним словом, одним чутко найденным и метко подобранным прилагательным именем.

БЕЛИНСКИЙ

Стих Пушкина был представителем новой дотоле небывалой поэзии. И что же это за стих! Античная пластика и строгая простота сочетались в нем с обаятельной игрой романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русского языка явилась в нем в удивительной полноте; он нежен, сладостен, мягок, как ропот волны, тягуч и густ, — как смола, ярок, как молния, прозрачен и чист, как кристалл, душист и благовонен, как весна, крепок и могуч, как удар меча в руке богатыря. Если бы мы хотели охарактеризовать стих Пушкина одним словом, мы сказали бы, что это по превосходству поэтический, художественный, артистический стих, — и этим разгадали бы тайну пафоса всей поэзии Пушкина.

Общий колорит поэзии Пушкина и в особенности лирической — внутренняя красота человека и влекущая душу гуманность.

Читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоего пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, сформователем юного чувства. Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального; она вся проникнута насковзь действительностью; она не кладет на лицо жизни

Пушкин погиб в расцвете своих сил. Рукою Дантеса убила его придворная „чернь“, „толпившаяся у трона“, с ведома и согласия сидевшего на троне. Но дела и идеи великого человека не умирают с физической его смертью. Приводимые ниже высказывания классиков говорят о том значении, какое Пушкин имел для русской литературы, как учитель, как гений, открывший новые творческие пути, как создатель широчайших по своему объему образов, как творец реализма. О.и говорят о значении его, как истинно-народного писателя и о значении его для всего человечества.

Великий писатель того класса, который призван унаследовать все ценное, что создало человечество на своем пути,—Ма.сим Горький завершает эти высказывания.

А. Долинин
(Искоз)

белл и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля.

ГЕРЦЕН

Пушкин как нельзя более национален и в то же время понятен для иностранцев. Он редко подделывается под народный язык русских песен, он выражает свою мысль так, как она появляется у него в уме. Как все великие поэты, он всегда на уровне своего читателя: он растет, становится мрачен, грозен, трагичен; его стих шумит, как море, как лес, волнуемый бурей, но в то же время он ясен, светел, сверкающ, жаждет наслаждений, душевных волнений. Везде русский поэт реален, — в нем нет ничего болезненного, ничего из той преувеличенной психологической патологии, из того абстрактного христианского спиритуализма, которые так часто встречаются у немецких поэтов. Его муза — не бледное существо, с расстроенными нервами, закутанное в саван, это — женщина горячая, окруженная ореолом здоровья, слишком богатая истинными чувствами, чтобы искать искусственных, достаточно несчастная, чтобы выдумывать несчастия искусственные.

Первые годы, следовавшие за 1825, были ужасающие. Обществом овладела глубокая безнадежность, общий упадок сил...

...Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Характер Пушкина лучше и полнее всего выразился в его произведениях — эта удивительная многосторонность ума и сердца, которая дает право сказать о нем, как Баратынский сказал о Гёте:

...Ничто не оставлено им
Под солнцем живым без привета:
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа.

Произведения Пушкина могущественно действовали на пробуждение сочувствия к поэзии в массе русского общества, они умножили в десять раз число людей, интересующихся литературой и через то делающихся способными к восприятию высшего нравственного развития.

Каждая страница Пушкина кипит умом и жизнью образованной мысли. Каждый стих, каждая строка

беглых заметок Пушкина затрагивала, возбуждала мысль. Это значение Пушкин продолжает сохранять еще до нашего времени.

ДОБРОЛЮБОВ

Значение Пушкина огромно не только в истории русской литературы, но и в истории русского просвещения. Он первый приучил русскую публику читать, и в этом состоит величайшая его заслуга. В его стихах впервые сказалась нам живая русская речь, впервые открылся нам действительный русский мир.

Пушкин умел постигнуть истинные потребности и истинный характер народного быта. Он присмотрелся к русской природе и жизни и нашел, что в них есть много истинно хорошего и поэтического. Очарованный сам этим открытием, он принялся за изображение действительности, и толпа с восторгом приняла эти дивные создания, в которых ей слышалось так много своего, знакомого, что давно она видела, но в чем никогда не подозревала столько поэтической прелести.

ТУРГЕНЕВ

Пушкин дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте форм признается даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого; он отозвался типическими образами, бессмертными звуками на все веяния русской жизни. Он первый, наконец, водрузил могучую руку знамя поэзии глубоко в русскую землю.

Как о Шекспире было сказано, что всякий вновь выучившийся грамоте неизбежно становится его новым чтедом, так и мы будем надеяться, что всякий наш потомок, с любовью остановившийся перед изваянием Пушкина и понимающий значение этой любви, тем самым докажет, что он стал более образованным, более свободным человеком...

ГОНЧАРОВ

В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках.

ДОСТОЕВСКИЙ

В Пушкине две главные мысли. Первая мысль — всемирность России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира. Другая мысль Пушкина, это поворот его к народу и упование единственно на силу его.

С него только начался у нас настоящий сознательный поворот к народу, немислимый еще до него с самой реформы Петра...

ОСТРОВСКИЙ

Сокровища, дарованные нам Пушкиным, действительно велики и неоцененны... Заслуга великого

поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть. Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт дает и самые формулы мыслей и чувств. Богатые результаты совершеннейшей умственной лаборатории делаются общим достоянием. Высшая творческая натура влечет и подравнивает к себе всех.

ТОЛСТОЙ

Я сегодня был слаб, не мог заснуть и все время читал, — никто не догадается, что... «Евгения Онегина!» И всем советую его перечитать. Удивительное мастерство — двумя-тремя штрихами обрисовать особенности быта того времени. Не говорю уже о таких *chef-d'oeuvre*'ах, как письмо Татьяны... лучше всего у Пушкина — его проза.

ГОРЬКИЙ

Пушкин первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, — он первый поднял звание литератора на высоту, до него недостижимую; в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни.

Пока Пушкин шел тропой романтизма, протоптанной до него, пока он подражал французам, Байрону, Батюшкову, Жуковскому, — общество, замечая его удивительный талант, ценило музыку нового стиха, одобряло поэта. Но как только он встал на свои ноги и заговорил чистым русским народным языком, начал вводить в литературу народные мотивы, обыденную жизнь, стал изображать жизнь реально, просто и верно, — общество стало относиться к нему насмешливо и враждебно, чувствуя в нем строгого судью, беспристрастного свидетеля русской пошлости, невежества и рабства, жестокости и холопства перед силою власти.

Судьба Пушкина совершенно совпадает с судьбою всякого крупного человека, волею истории поставленного в необходимость жить среди людей мелких, пошлых и своекорыстных — вспомните Леонардо да Винчи и Микель Анджело. Пушкин для русской литературы такая же величина, как Леонардо для европейского искусства. Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется условиями времени и личными, унаследованными качествами — все дворянское, все временное — это не наше, это чуждо и не нужно нам.

Но именно тогда, когда мы откинем все это в сторону — именно тогда перед нами встанет великий русский народный поэт, создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литературы.

А. С. ПУШКИН

Скульптор Домогацкий

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

...И он убит — и взят могилой,
 Как тот певец, неведомый, но милый,
 Добыча ревности глухой,
 Воспетый им с такою чудной силой,
 Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
 Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
 Велупил он в этот свет завистливый и душный
 Для сердца вольного и пламенных страстей?
 Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
 Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
 Он, с юных лет постигнувший людей?..
 И прежний сняв венок — они венец терновый,
 Увитый лаврами, надеи на него,
 Но иглы тайные сурово
 Язвили славное чело.
 Отравлены его последние мгновенья
 Коварным шопотом насмешливых невежд,
 И умер он — с напрасной жадной мщенья,
 С досадой тайною обманутых надежд.
 Замолкли звуки чудных песен,
 Не раздаваться им опять:
 Приют певца угрюм и тесен,
 И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
 Известной подлостью прославленных отцов,
 Пятаю рабскою поправшие обломки
 Игрою счастья обиженных родов!
 Вы, жадною толпой стоящие у трона,
 Свободы, Гения и Славы палачи!
 Таитесь вы под сению закона,
 Пред вами суд и правда — все молчи!..
 Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
 Есть грозный судия: он ждет;
 Он не доступен звону злата,
 И мысли и дела он знает наперед.
 Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
 Оно вам не поможет вновь,
 И вы не смоете всей вашей черной кровью
 Поэта праведную кровь!

Ф. И. ТЮТЧЕВ

29 ЯНВАРЯ 1837

... На зло людскому суесловью,
 Велик и свят был жребий твой!..
 Ты был богов орган живой,
 Но с кровью в жилах... знойной кровью,
 И сею кровью благородной
 Ты жажду чести утолил
 И, осененный, опочил,
 Хоругвью горести народной.
 Вражду твою пусть тот рассудит,
 Кто слышит пролитую кровь...
 Тебя ж, как первую любовь,
 России сердце не забудет!..

Стихи М. Лермонтова, Ф. Тютчева, А. Блока и В. Маяковского приведены в выдержках.

ПОЭТЫ

А. С. ПУШКИН. Портрет раб. А. Г. Платунова

ПУШКИНУ

АЛЕКСАНДР БЛОК

ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

... Не твоих ли звуков сладость
 Вдохновляла в те года?
 Не твоя ли, Пушкин, радость
 Окрыляла нас тогда?
 Вот зачем такой знакомый
 И родной для сердца звук —
 Имя Пушкинского Дома
 В Академии наук.
 Вот зачем в часы заката
 Уходя в ночную тьму,
 С белой площади Сената
 Тихо кланяюсь ему.
 1921

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

ПУШКИН

И Пушкин падает в голубоватый
 Колючий снег.
 Он знает — здесь конец...
 Не даром в кровь его влетел крылатый
 Безжалостный и жалящий свинец.
 Кровь на рубахе...
 Полость меховая
 Ожинута,
 Полозья дребезжат.
 Леса и снег,
 И скука путевая.
 Возок уносится назад... назад...
 Он дремлет, Пушкин.
 Вспоминает снова
 То, что влюбленному забыть нельзя:
 Рассыпанные кудри Гончаровой
 И тихие медовые глаза.
 Случайный ветер нагоняет скуку,
 В пустынной хвое замирает край...
 ..Наемника безжалостную руку
 Наводит на поэта Николай!
 Он здесь, жандарм!
 Он из-за хвои леса
 Следит: упорно ль взведены курки,
 Глядят на узкий пистолет Дантеса
 Его остекленелые зрачки.

В. МАЯКОВСКИЙ ЮБИЛЕЙНОЕ

...Я люблю вас,
 но живого,
 а не мумию.

Навели
 хрестоматийный глянec

Вы,
 по-моему,
 при жизни
 — думаю —

тоже бушевали,
 Африканец!
 Сукин сын Дантес!
 Великосветский шнода.

Мы б его спросили:
 — А ваши кто родители?

Чем вы занимались
 до 17-го года? —
 Только этого Дантеса бы и видели.

...Ну, пора:
 рассвет
 лучища выкалил.

Как бы
 милиционер
 разыскивать не стал.

На Тверском бульваре
 очень к вам привыкли.

Ну, давайте
 подсажу
 на пьедестал.

Мне бы
 памятник при жизни
 полагается по чину.

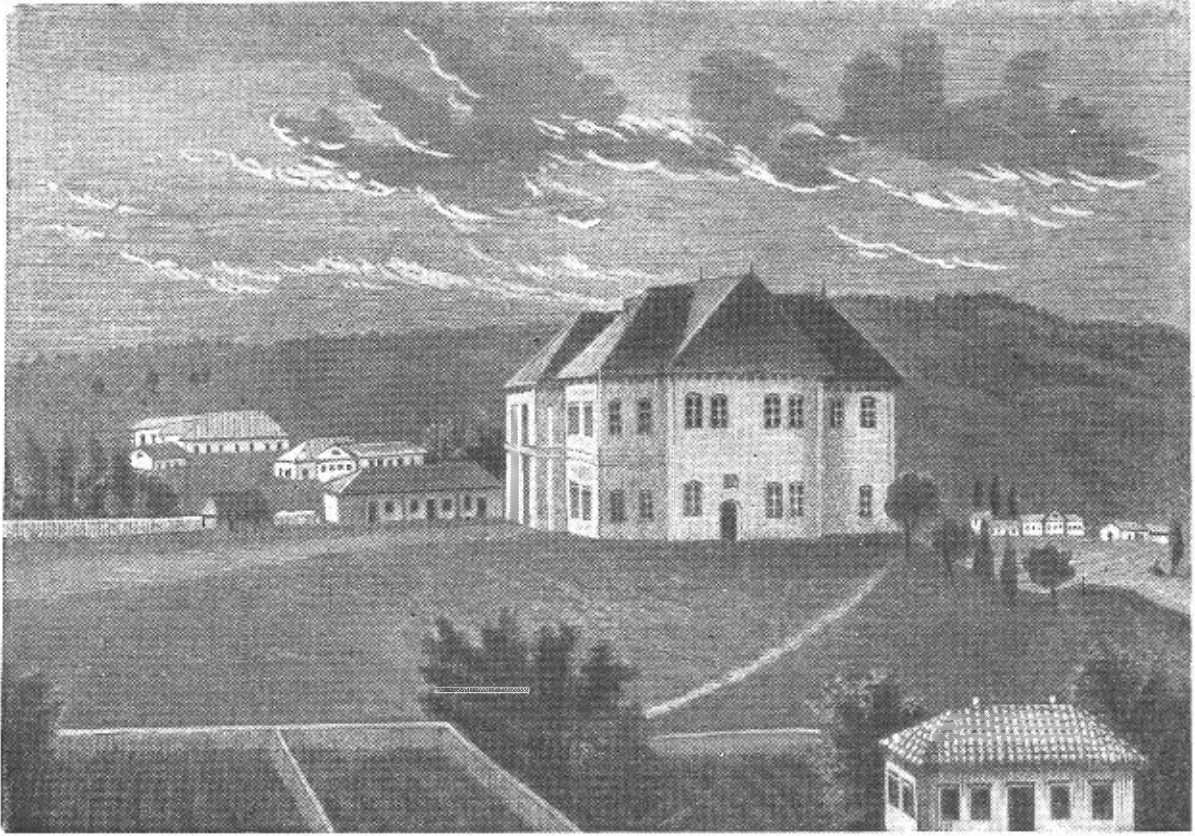
Заложил бы
 динамиту
 — ну-ка
 дрызнь!

Ненавижу
 всяческую мертвечину!

Обожая
 всяческую жизнь!

И мне ль, обученному, как надо
 Писать стихи, из трехлинейки бить,
 Убийцам этим не найти награду,
 За кровь пролитую не отомстить?
 Я мстил за Пушкина под Перекопом,
 Я Пушкина через Урал пронес,
 Я с Пушкиным шатался по окопам,
 Покрытый вшами, голоден и бос.
 И сердце колотилось безотчетно,
 В глазах светлело, ветер налетал,
 И в пляске пуль, сквозь голос пулеметный,
 Я вдохновенно Пушкина читал!
 Идут года дорогой неуклонной,
 Клокочет в сердце песенный порыв...
 Цветет весна —
 И Пушкин отомщенный
 Все так же сладостно-вольнoлюбив.

1924 г.

Кишинев. Дом Инзова, где жил Пушкин

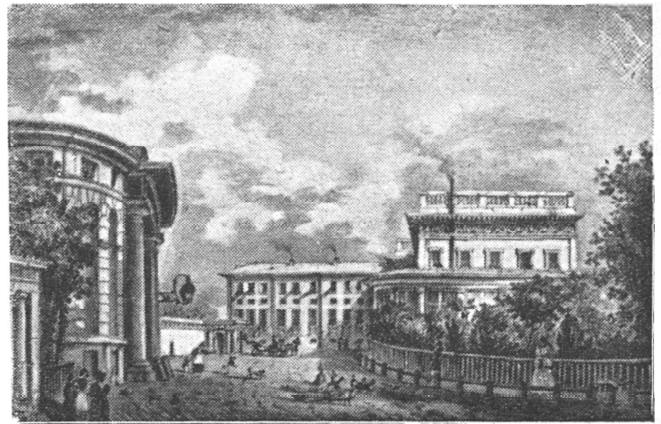

Цыганский табор. Рисунок Пушкина

О „цыганах“:

„Я не знаю произведения более скупого, если только этим выражением можно воспользоваться для похвалы; из этой поэмы нельзя выкинуть ни одного стиха и ни одного слова; каждое из них имеет свое место и свое назначение, и тем не менее внешне все это полно совершенной простотой и естественностью; искусство раскрывается лишь при полном отсутствии бесполезных украшений“.

Мериме, „Александр Пушкин“ 1868 г.

Одесса. Театр. С литографии 20-х годов

Но уж темнее вечер синий,
 Пора нам в Оперу скорей;
 Так упоительный Россини,
 Европы баловень — Орфей,
 Не анимля критике суровой,
 Он вечно тот же, вечно новый,
 Он звуки льет — они кипят,
 Они текут, они горят,
 Как поцелуи молодые,
 Все в неге, в пламени любви,
 Как закипевшего ли
 Струя и брызги золотые...
 Но, господа, позволено-ль
 С вином равнять до-ре-ми-соль?

Ленский — рисунок Пушкина

С. Я. ФЕССЕН

СОЖЖЕННАЯ ГЛАВА „ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА“

После безуспешных попыток добиться определения в действующую против турок армию или получить отпуск для поездки в чужие края, Пушкин 5 марта 1829 г., на свой страх и риск, взял подорожную в Тифлис и 1 мая выехал в Грузию. Опережая его в пути более чем на месяц, из Петербурга полетели предписания об учреждении за Пушкиным бдительного секретного надзора. Бенкендорф, повидимому, склонен был приписать путешествие Пушкина желанию повидаться с недавними заговорщиками: многие из них в это время состояли в действующей армии. Всесильный шеф жандармов редко оказывался пророком, но на этот раз он, видимо, не ошибся.

Один из кавказских знакомцев Пушкина, М. В. Юзюфович, впоследствии вспоминая рассказы поэта о предполагаемом окончании «Евгения Онегина», свидетельствовал, что, согласно тогдашнему замыслу Пушкина, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе или попасть в число декабристов*. Сама собою напрашивается догадка, что Юзюфович ошибся, и что именно в результате участия своего в заговоре декабристов Онегин должен был попасть на Кавказ, разделив участь великого множества участников тайных обществ.**

Непосредственно по окончании следствия по делу декабристов, в армейские полки Кавказского корпуса переведено было около 30 «прикосновенных». В их число попали многие рядовые участники восстания 14 декабря, почти все аристократические якобинцы из петербургского филиала Южного общества и др. Не все они попадали непосредственно на театр военных действий. Многие по году и долее выдерживались в глухих кавказских гарнизонах, в своеобразном карантине. Двенадцать декабристов, по суду разжалованных в солдаты, определены были в заброшенные сибирские, оренбургские и кавказские гарнизоны, занятые исключительно несением внутренней службы и не нюхавшие порохового дыма. Лишенные вследствие этого практической возможности добиться выслуги, декабристы-солдаты ходатай-

ствовали о переводе в полевые полки на Кавказ, о чем указ дан был 22 августа 1826 г. Покуда «монаршая милость» достигла глухих гарнизонов, куда уже успели отправить осужденных, прошло немало времени. Только с 1827 г. они стали прибывать в действующую армию.

Многие ссыльные декабристы тоже надеялись боевыми подвигами вернуть себе чин и свободу. По одиночке начинают они просачиваться в армию, используя для этого всевозможные связи. Все это происходило в то самое время, когда Пушкин замыслил свою поездку. Ко времени приезда Пушкина, в действующей армии служило 58 декабристов.

Далеко не все эти «государственные преступники» обречены были влечь солдатскую лямку. Очень многие сохранили офицерские чины, а некоторые даже занимали ответственные посты. П. Х. Граббе участвовал в Турецкой кампании в качестве начальника штаба Молдавских войск, лицейский товарищ Пушкина Вальховский состоял при Паскевиче, Н. Н. Раевский, И. Г. Бурдов, А. М. Миклашевский, А. А. Авенариус, П. М. Леман командовали полками, М. И. Пущин, официально оставаясь солдатом, играл выдающуюся роль в ходе Персидской и Турецкой кампаний. Остальные декабристы группировались вокруг товарищей-командиров. В бытность Пушкина в действующей армии, в 41 егерском полку, которым командовал декабрист Леман, служило пятеро декабристов, в 42 егерском полку (командир декабрист Миклашевский) — шестеро, в Нижегородском драгунском (командир Раевский) — трое, и т. д.

Об этом обилии заговорщиков в действующей армии слишком хорошо знали в Петербурге. И Пушкин, замышлявший в это время привести Онегина в ряды декабристов и затем на Кавказ, естественно должен был искать встречи с ними, чтобы пополнить свои сведения о деле декабристов.

Нужда его в этих сведениях была крайне велика. На протяжении всего царствования Николая I упоминать о декабристах в печати, конечно, запрещалось, и единственным печатным источником оставалось пресловутое «Донесение Следственной комиссии», насквозь тенденциозное и полное гру-

* Русск. Архив, 1880, III, стр. 443.

** Ср. Б. Томашевский. Десятая глава «Евгения Онегина». «Лит. наследство» № 16—18, стр. 387.

бых, бьющих в глаза передержек. Работая над X главой, Пушкин поневоде вынужден был обратиться к этому мутному источнику, не имея иного. Знакомясь с фактическим содержанием известных нам декабристских строф X главы, мы убеждаемся в том, что оно все, почти без исключений, основано на данных, почерпнутых из «Донесения»*. Но совершенно очевидно, что Пушкин не пустился бы в столь ответственное плавание на такой утлой ладье. Материалы, извлекаемые им из «Донесения», могли послужить ему только для создания исторической канвы к описываемым событиям.

Между тем личными воспоминаниями Пушкин не мог быть особенно богат, вопреки своим тесным связям с заговорщиками в Петербурге, в Кашине, в Каменке и вопреки собственному заявлению его в письме к Жуковскому (январь 1826 г.) о том, что он знал о существовании заговора, о котором «кричали по всем переулкам», и о котором не подозревала одна поляция.

О самом факте существования заговора Пушкин узнал не ранее января 1825 г. от Пушкина, навестившего его в Михайловском. Пушкин впервые тогда подтвердил подозрения поэта на этот счет и, хотя сам же и удостоверил, что разговор их о тайном обществе не получил продолжения, можно заподозрить его, в этом случае, в конспиративном умолчании. Однако бесспорно, что Пушкин не углублялся в историю заговора в эти короткие часы, проведенные им у Пушкина, насыщенные рассказами друг о друге, воспоминаниями о Лидее и общих друзьях, обменом впечатлений, чтением новых произведений и т. д. Из прежних же своих встреч с заговорщиками, никогда не пускавшимися с Пушкиным в откровенные разговоры, он не мог вынести значительного конкретного материала. Позднейшее осмысление фактов, почерпнутых путем личных наблюдений, но до 1826 г. логически не связывавшихся, могло прояснить для Пушкина только отдельные моменты заговора, поздним светом озарить непонятые им в свое время намеки и недомолвки, но никак не заполнить их содержанием.

Онегин должен был стать декабристом и затем попасть на Кавказ. Ему предстояло оказаться 59-м в ряду тех 58 декабристов, которые в 1828—1829 гг. находились в действующей армии. Эти 58 декабристов представляли собой живую хронику, живую книгу декабристского движения, не заглянув в которую Пушкин не мог приняться за X главу.

По возвращении Пушкина, Бенкендорф спешил уведомить поэта о недовольстве царя его поездкой. «Чувствую, насколько мое положение было фальшиво, а поведение опрометчиво, — отвечал Пушкин, мотивируя свою поездку желанием повидать брата, — но по крайней мере все это было только опрометчивостью. Мысль, что поступок мой можно объяснить каким-либо другим побуждением, была бы для меня невыносима.»

Вряд ли это объяснение показалось сколько-нибудь удовлетворительным. Не только правительству, но и столичная молва как-раз приписы-

вала поездку Пушкина «другому побуждению». В 1835 г., готовя к изданию «Путешествие в Арзрум», Пушкин в предисловии пытался расширить официальную мотивировку своей поездки, объясняя, что ехал «для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей.» Но сам же и оказался вынужденным вычеркнуть эти слова, ибо «приятели» как-раз и были декабристами.*

Таким образом, Пушкин едва не проговорился. Собираясь работать над X главой, он ехал в действующую армию с определенной творческой целью: собрать материал о декабристах, точно так же, как в 1833 г. он ездил в Оренбург за пугачевскими материалами.

Обстоятельства благоприятствовали Пушкину. Первая декабристская встреча ожидала его уже через несколько дней по выезде из Москвы. «В Новочеркаске, — пишет он в «Путешествии в Арзрум», — нашел я графа П., ехавшего также в Тифлис, и мы согласились путешествовать вместе.» Имя этого графа П. — с которым Пушкин пропутешествовал с перерывами без малого месяц, вплоть до самого Тифлиса, не случайно законспирировано Пушкиным. Это был еще петербургский близкий знакомец Пушкина, свояк Карамзиных, граф Владимир Александрович Мусин-Пушкин, заметный член Северного общества, поплатившийся за свое революционное прошлое переводом в армию. Как-раз в 1829 г. его перевели из Петровского в Тифлисский пехотный полк, и он ехал к месту своего нового служения, тем временем как, обгоняя его в пути, к Паскевичу летело предписание об учреждении за ним бдительного надзора.

Бдительность эта имела свои основания. Мусин-Пушкин, принятый в 1825 г. своим родственником М. М. Нарышкиным в Северное общество, был далеко не бездеятельным членом. Нарышкин поручал ему даже заведение управы Общества, и хотя Мусин-Пушкин объяснял, что, «не зная правил на счет приема и выбора людей, оставил сие до времени», однако некоторые шаги он все-таки предпринял. Так, известно, что он склонял к вступлению в Общество штаб-ротмистра Бреверна. Вместе с тем он пользовался и полной доверенностью своих старших товарищей по заговору, был осведомлен о целях и намерениях заговорщиков и сам свидетельствовал, что Трубецкой рассказывал ему, «что Общество имеет большое количество членов в Петербурге, Москве, Киеве, Тульчине, 1-й и 2-й армиях,** конечно, при этом называл их и поименно и объяснял организацию Общества.

Таков был человек, в неразлучном обществе которого Пушкин провел около месяца. Можно легко догадаться, что в своих бесконечных беседах они не раз возвращались к декабрьским событиям.

В русском лагере Пушкин очутился в среде декабристов. Имена их, по вполне понятным тактическим соображениям, он крайне неохотно вводил в свое «Путешествие в Арзрум», но они

* Подробно см.: Сергей Гессен. Источники десятой главы «Евгения Онегина». «Декабристы и их время», т. II. М. 1932, стр. 136—139.

* Ю. Тынянов. Заметки о «Путешествии в Арзрум». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии.» т. II, Л. 1936, стр. 61.

** Восстание декабристов, т. I, 1923, стр. 134—135.

невольно прорывались сквозь его автоцензуру, ибо именно они составляли ближайшее окружение Пушкина на всем протяжении пребывания его в действующей армии. На ряду с именем Мусина-Пушкина, «Путешествие» пестрит именами Вальховского, Мих. Пушина, Бурцова, Семичева. Декабрист гр. П. П. Коновницын, участник событий 14 декабря, сообщивший Пушкину о том, что и Арзруме чума, скрылся под литерой К. Иные встречи вовсе были угаданы поэтом, как напр., частые свидания с декабристами Чернышевым и Гангбеловым, о чем мы узнаем из иных источников.

Так перед Пушкиным прошла вереница живых свидетелей и участников недавнего героического прошлого. В лице этих собеседников поэта перед ним вставали разные периоды, разные этапы заговора декабристов. В рассказах их история тайных обществ должна была предстать в полном объеме, перелистываемая страница за страницей, от первых лет существования заговора (Бурцов, Вальховский) до его трагической развязки в Петербурге (М. Пушин, Коновницын, Гангбелов) на юге (Семичев) и вплоть до читинской каторги (Чернышев).

Декабристские встречи Пушкина, начавшиеся совместным путешествием с Мусиным-Пушкиным, завершились таким же совместным путешествием из Арзрума и затем совместной же жизнью на Минеральных водах с декабристом М. И. Пушиным, братом его лучшего друга, участником декабрьских событий в Петербурге.

Творческая цель поездки Пушкина должна была быть выполнена. Он больше не мог испытывать нужды в декабристских материалах. Напротив, обилие этих материалов, быть-может, перераставших первоначальный замысел Пушкина, на первых порах по возвращении его из действующей армии, заслонило «декабриста Онегина», побудив приняться за прозаическое произведение, героем которого должен был стать представитель совсем иной социальной прослойки — бедный, мелкопоместный прапорщик, существующий на жалованье. Прапорщик этот в мае 1825 г. кончает кадетский корпус и отправляется к месту службы в Васильков, в Черниговский пех. полк. Совершенно очевидно, что ему предстояло попасть в члены Общества Соединенных Славян, а затем принять участие в восстании Черниговского полка. Основную массу

и «Славян» и черниговцев как-раз и составляли эти обезземелившиеся дворяне, незначительные прапорщики. Любого из них, подобно пушкинскому герою, могло радовать обладание 475 рублями. Для тех и других фигура, нарисованная Пушкиным, была чрезвычайно типической. Но сам-то Пушкин, по личным воспоминаниям, не мог быть близко знаком с этим новым типом заговорщика, ибо ни в Петербурге, ни в Кишиневе, ни в Одессе, ни, тем менее, в Каменке эти армейские прапорщики не попадали в круг его декабристских знакомств.

«Донесение» же по поводу социального состава Славянского общества ограничивалось скупой ремаркой, что оно «было и не весьма многочисленно и незначительно ни по званию; ни по свойствам членов своих».

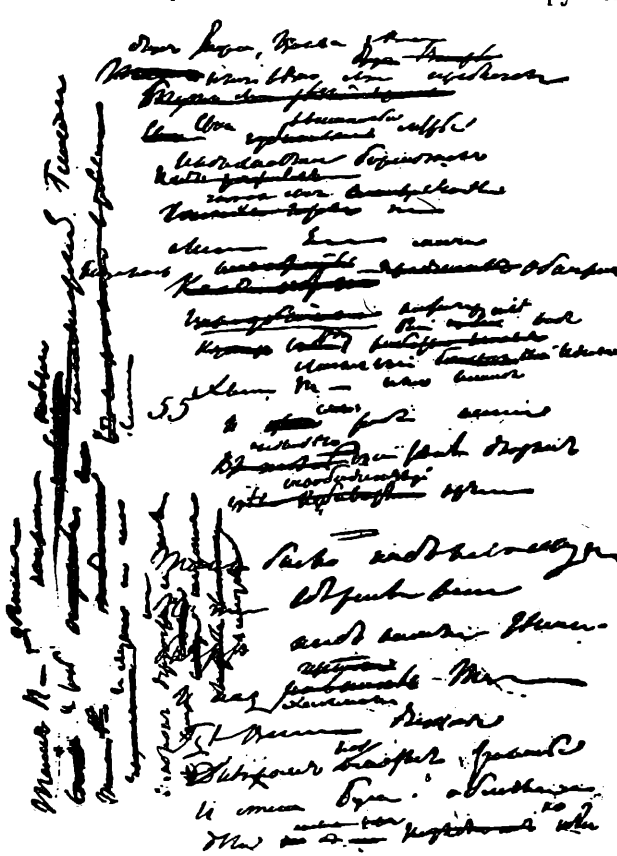
Впервые там же, в действующей армии, Пушкин должен был встретиться с этими армейскими прапорщиками из Славянского общества. Один из них, Алексей Веденяпин, разжалованный в солдаты, в это время как-раз служил в одном из егерских полков 21-й пех. дивизии, в расположении которой находился Пушкин.

Свой замысел Пушкин оставил в самом начале. Может-быть, он руководствовался теми же соображениями, которые вскоре затем решили участь X главы. Может-быть, и обстоятельства жизни поэта помешали развитию этого его замысла. Ближайшие месяцы по возвращении Пушкина отмечены были хлопотами в связи с благополучным сватовством и предстоящей женитьбой. Сле-

дующий год он проводил в беспрестанных странствиях, и только 31 августа он из Москвы выехал в Болдино, где ему предстояло провести всю осень, знаменитую в творческой биографии Пушкина «Болдинскую осень».

Там, окупившись в тишину и одиночество своей «наследственной вотчины», Пушкин обратился к свежим воспоминаниям о недавних декабристских встречах. В эти месяцы зародилась X глава «Онегина».

Политическая осторожность, повидимому, очень скоро остановила его работу. Память Пушкина еще хранила воспоминания о тревогах и опасностях, вызванных стихами «Андрэ Шенью» и «Гаврииладой». Нечаянное обнаружение у него строк, посвященных декабристам, в ту пору, когда одно напоминание о них являлось уже преступле-

Рукопись X (созженной) главы «Евгения Онегина»

«Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением. Удивительно ли то, что эта поэма была принята с таким восторгом публикой и имела такое огромное влияние на современную ей и на последующую русскую литературу... а ее влияние на нравы общества? Она была актом сознания для русского общества; почти первым, но зато каким великим шагом вперед для него! Этот шаг был богатырским размахом.

В. Г. Белинский. «Сочинения Пушкина».

нием, грозило поэту новыми бедами, несравненно более серьезными. В преддверии женитьбы такая постоянная угроза приобретала особенно зловещий характер.

20 октября того же 1830 г., на оборотной стороне последнего листа «Метели», явилась лаконичная запись Пушкина:

«19 окт. сожж. X песнь».

В другой рукописи, в «Путешествии Онегина», сбоку, на полях стиха: «С ее политикой сухой», Пушкин пометил: «в X песни». Тогда же, 19 декабря, Вяземский записал в своем дневнике: «Третьего дня был у меня Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главы Онегина. Бю и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника...» И дальше зафиксировал два стиха из X главы: «У вдохновенного Никиты, У осторожного Ильи». * А Александр Тургенев в 1832 г. сообщал брату Николаю:

«Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе... В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки». **

* П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 152.

** Журнал Министерства Народного Просвещения, 1913, III, отд. 2, стр. 15.

В течение 80-ти лет этими отрывочными сведениями исчерпывались сведения о X главе. Только в 1910 г. исследователи обратили внимание на какую-то непонятную рукопись Пушкина, казалось, представляющую собой бессвязный набор случайных стихов. Исследование установило, что это зашифрованные поэтом отрывки из X главы. Четверть века исследователи — в их числе П. О. Морозов, Н. О. Лернер, С. М. Бонди, Б. В. Томашевский — боролись с пушкинским шифром, добиваясь того, чтобы он до конца раскрыл свою тайну. Из бессвязных строк возникли отрывочные, в большинстве незаконченные строфы, за которыми, тем не менее, угадывается смелый и богатый красками пушкинский рисунок, яркая панорама общественно-политической жизни России. Был ли этот блестящий замысел развернут в цельное произведение, окончил ли Пушкин свою «славную хронику», — на этот вопрос едва ли когда-нибудь сможет быть найден ответ.

Месяц спустя после сожжения X главы, 21 ноября, в предполагаемом предисловии к последним главам «Онегина», Пушкин писал: «Вот еще две гл. Евг. Онег. — последние, по крайней мере для печати». А двумя неделями ранее, 5 ноября, в письме к Вяземскому еще раз выражал надежду на прощение «наших каторжников». Быть-может, он рассчитывал, что это прощение даст возможность и его «славной хронике 25 года» выглянуть из таинственных строк авторского шифра. Но каторжники оставались каторжниками, и X главе суждено было без малого сто лет дожидаться раскрепощения.

Дуэль Ленского с Онегиным

Иллюстрация П. Соколова

ПУШКИН

О ЛОМОНОСОВЕ

Пушкин в совершенстве знал русскую и западноевропейскую литературу XVIII века. Поэзию Ломоносова, одного из основоположников русской литературы и языка и величайшего ученого, Пушкин изучил еще в юношеские годы. В своем юношеском «Послании к другу-стихотворцу» (1814 г.) он назвал Ломоносова, Державина и Дмитриева «бессмертными певцами», «честью и славой россов», а в послании «к Жуковскому» (1817 г.) Ломоносов именуется как «бессмертный наш певец, веселье россиян, полунощное диво». В этих ранних характеристиках поэтической деятельности Ломоносова Пушкин, конечно, не был самостоятелен: он отражал в них традиционную точку зрения на Ломоносова-поэта, утвердившуюся к началу XIX века. Уже в 1825 году зрелый Пушкин в письме к А. А. Бестужеву, упоминая о Ломоносове, сделал такое примечание: «Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная заслуга». Этот взгляд на Ломоносова как нельзя более точно выражает мнение Пушкина о поэтической природе Ломоносова, и оставался у Пушкина неизменным на протяжении всей его дальнейшей жизни.

Творчество Ломоносова мало отразилось в творчестве самого Пушкина. Известно, что в XXV строфе 5-й главы «Евгения Онегина» Пушкин использовал строки из «Оды императрице Елизавете Петровне» 1748 г.:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.

У Пушкина:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник имени.

Известны также параллели у Пушкина из Ломоносова в описании полтавского боя в «Полтаве». В письме к А. А. Бестужеву в июне 1824 г. Пушкин цитирует стих из «Оды 9-й, выбранной из Иова, главы 38, 39, 40 и 41».

Наконец, к 1830 г. относится следующее стихотворное четверостишие Пушкина, в котором воспроизведены детские годы Ломоносова, под заголовком «Отрок»:

Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря,
Мальчик отду помогал. Отрок, оставь рыбака.
Мрежи иные тебя ожидают, пные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник дарям.

Наиболее цельную и яркую характеристику Ломоносова Пушкин оставил в 3-й главе, спе-

циально посвященной Ломоносову, своей неоконченной статьи «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1835). Полемицируя здесь с А. Н. Радищевым, автором знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» (1791), Пушкин писал: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом... С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмачестве, не думает... Зато с каким жаром говорит он о науках и просвещении. Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр.».

Далее Пушкин целиком выписывает рапорт, поданный Ломоносовым о своих упражнениях с 1751 по 1757 гг., говоря, что «ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове», как этот рапорт, в котором последний перечисляет по годам свои работы в области физики, химии, истории и словесности. Затем Пушкин продолжает: «Сумароков был шутком у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина. Его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками. Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича [т. е. Сумарокова] в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он драл за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым по случаю «Гимна бороде», не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана *. В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве... Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспеваает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет

* Убитого молнией во время опытов с электричеством.

графа Орлова с возвращением его из Финляндии... Ныне все это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время не существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостью и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, представителю муз, высокому своему патрону, который вздумал-было над ним пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не токмо у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу». В другой раз, заспорил с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!». — «Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!».

В этой замечательной характеристике Пушкин впервые обратил внимание на независимый и гордый характер Ломоносова, удачно и тонко выявив разницу между Ломоносовым-одописцем, восхвалявшим в печати по принятому тогда обычаю меценатов, и Ломоносовым-человеком, идущим независимо во имя своей идеи к определенной цели и в жизни не считаясь с этими меценатами, если они чинили ему препятствия. В письме к жене 8 июня 1834 г. Пушкин процитировал смысл письма Ломоносова к Шувалову 19 января 1761 г.: «Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господ бога». Фраза эта глубоко гармонировала с внутренними переживаниями Пушкина в этот период его жизни в связи с зависимостью его перед двором Николая I. «Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно», — с горечью писал Пушкин в том же письме. Припоминание в этот момент фразы из письма Ломоносова знаменательно и свидетельствует о большом знакомстве Пушкина с биографией Ломоносова. Замечательно и упоминание Пушкина о неопубликованном тогда антиклерикальном стихотворении Ломоносова «Гимн бороде», из-за которого Ломоносов претерпел много неприятностей. Это свидетельствует о том, что Пушкин изучал не только опубликованные материалы о Ломоносове, но знал и неизданные. Только недавно в архиве кн. П. А. Вяземского найден был текст «Гимна бороде» и всех других материалов, относящихся к полемике вокруг этого вопроса, переписанных целиком рукою Пушкина.

Каждый новый неизданный документ, относящийся к биографии великого человека, привлекал к себе внимание Пушкина. Так, в 1830 г. при письме к кн. П. А. Вяземскому Пушкин послал в копии неизданный «донос» А. П. Сумарокова в Статс-Контору на Ломоносова, прося Вяземского

напечатать его в «Литературной газете», что Вяземский и выполнил, сопроводив текст жалобы Сумарокова небольшим введением. Высказанные Пушкиным мысли о Ломоносове как поэте находят подтверждение в критической статье его «О предисловии г-на Лемонте к переводу басн Крылова», напечатанной в «Московском Телеграфе» 1825 года: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник. Первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества мозаическими произведениями и, наконец, открывает нам истинные источники нашего поэтического языка. — Поэзия бывает исключительно страстью немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни, но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заимлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему предложение псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся великими памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему...»

В 1836 г. Пушкин, возражая М. Е. Лобанову на то, что он назвал Ломоносова в своей статье «О духе словесности» «педаантом», писал, что «у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титул поэта, но никто нигде, сколько я помню, не называл его педаантом: напротив, ныне вошло в обыкновение хвалить в нем мужа ученого, унижая стихотворца».

Пушкин считал Ломоносова «основателем словесности своего отечества» (в рецензии 1827 г. на альманах «Северная Лира»), считал его поэтом, отдавая предпочтение его переложениям псалмов, считая их лучшими его произведениями. На ряду с этим он более всего ценил Ломоносова как гениального человека и ученого, восхищался его энергией и необычайною силою воли и преклонялся перед ним, как перед человеком независимым, твердо идущим к намеченной цели, и высоко ценил его как одного из величайших деятелей науки и просвещения XVIII века. Пушкин высоко ставил творческую роль Ломоносова в общем историческом развитии русской литературы.

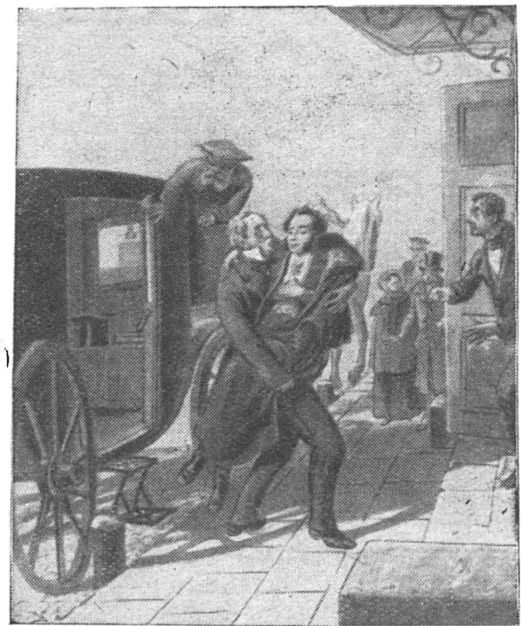

ДУЭЛЬ ПУШКИНА

Художник А. Горбов

Первая половина ноги без покойки;
 вторая лучше. Новых прогниваю-
 щих прикладов нет; но так же
 же нет, и еще и есть же манжет
 облезлая.

Бюллетень о состоянии здоровья Пушкина, пи-
 санный Жуковским для посетителей квартиры
 поэта

Возвращение Пушкина с дуэли.
 С рисунком П. Бореля

А. С. ПУШКИН И ЕГО АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СОВРЕМЕННОКИ

Либеральные историки русской литературы никогда не могли оценить колоссального значения Пушкина в развитии мировой художественной культуры. «Только Великая Пролетарская Революция впервые по-настоящему создает Пушкину подлинную народную славу национального русского поэта, славу великого поэта народов Советской страны» («Правда», 17 декабря 1935 г.).

Пушкин — один из величайших корифеев мировой поэзии. Это — неоспоримая истина, и тот, кто не понял ее, тот ничего не понял ни в истории русской классической литературы, ни в той великой роли, которую сыграл язык русского народа в деле освобождения человечества от оков и гнета прошлого.

«Откровения» Д. Мирского о том, что «Пушкин остается узконациональным поэтом, классиком только для своих соотечественников» («Литературное наследство» № 16—18, стр. 103), являются отзвуком реакционных теорий.

Столетие смерти Пушкина — крупнейшая дата в истории русской литературы. Но ограничить значение Пушкина национальными рамками одной только русской литературы — значит умалить величие его поэтического гения, не понять его мирового значения, не видеть того почетного места, которое заслуженно занимает художественное наследие Пушкина в истории всемирной литературы.

Об этом, в частности, ясно и убедительно говорит и необычайная популярность поэта среди самых широких масс читателей многочисленных народов Советского Союза.

В Азербайджане рано узнали творчество А. С. Пушкина.

Еще в 1880 году, в год открытия памятника поэту в Москве, один из крупнейших поэтов Азербайджана Сейд-Азим Ширвани посвятил памяти поэта стихотворение, полное любви к русскому гению:

Сладкозвучный поэт, отдавший миру дар —
полезные книги,
И каждый меджлис (собрание) украшен его
стихами...

Столетний юбилей со дня рождения Пушкина возбудил среди тюркского народа еще больший интерес к творчеству Пушкина.

К концу прошлого столетия на азербайджанский язык уже были переведены: повесть «Дубровский» и «Барышня-крестьянка» (М. Г. Эфендиевым), «Песнь о Вещем Олеге» (Фридуна Кочарлинским). Отдельные стихотворения были переведены Рашид Эфендизаде и Ахмед-беем Джаванширом (им же переведена «Сказка о рыбаке и рыбке»).

Еще до революции творчеством А. С. Пушкина заинтересовался талантливый буржуазный поэт-

романтик Аббас-Саххат, переводчик Альфреда де Мюссе, Лермонтова и Некрасова. Аббас Саххат издал в 1912 г. два небольших сборника под названием «Западное солнце», где был помещен ряд прекрасных переводов из Пушкина, в том числе отрывок из поэмы «Цыганы». Им были переведены: «Кавказ», «Пророк», «Утопленник» и другие стихотворения.

В 1914 году, под влиянием «Скупого рыцаря» Пушкина, азербайджанским писателем Б. А. Талыблы была написана небольшая пьеса из тюркской жизни «Скупой».

Влияние Пушкина сказывается и на творчестве других азербайджанских писателей.

Особенно вырос интерес широких тюркских читательских масс к великому поэту после апрельской революции 1920 года. Широкий размах культурной революции, переход на новый тюркский латинизированный алфавит, необычайный рост грамотности и жажда знаний и культуры выдвинули в Азербайджане, как большую культурную и политическую задачу, издание лучших произведений русской и мировой классической литературы.

Значительное место занимают переводы произведений Пушкина на азербайджанский язык. Изданы: «Капитанская дочка» (в переводе А. Джавад), «Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «Борис Годунов» (в переводе поэта Саид Ордубади), «Цыганы» (переводчик М. Мюшфик), «Бахчисарайский фонтан» и др. О большом интересе к творчеству Пушкина говорит и вышедшее второе издание «Капитанской дочки» и «Повестей Белкина». Один из крупных и талантливых азербайджанских поэтов Самед Вургун Векилов закончил полный перевод «Евгения Онегина». К столетнему юбилею издается в Баку трехтомник произведений Пушкина и ряд работ, раскрывающих связи Пушкина с Азербайджаном. Азербайджанский филиал Академии наук выпускает монографию о творчестве поэта.

Эти факты подчеркивают ту громадную роль, которую играет творчество Пушкина в культурном развитии братских народов Советского Союза и, в частности, Азербайджана. Но это только одна сторона вопроса. Есть еще другая: солнце пушкинского гения задолго до революции озарило путь лучших передовых людей народов Востока.

Связь Пушкина с передовыми людьми Азербайджана относится ко времени его пребывания в Закавказье.

Пушкин в «Путешествии в Арзрум» дает беглые заметки о своем пребывании в Тифлисе. Здесь он приобрел ряд новых знакомых, особенно близко сошелся с Санковским, издателем «Тифлисских ведомостей», первой русской газеты в Закавказье.

Воспоминания современников, выясняя вопрос о связях А. С. Пушкина с П. С. Санковским, вво-

дят нас в курс тифлиских знакомых поэта. Санковский посвятил приезду А. С. Пушкина в Тифлис заметку в «Тифлиских ведомостях». Там же печаталась хроника о его пребывании в Тифлисе.* Об отношении Пушкина к Санковскому можно судить и по тому блестящему отзыву, который дал поэт первой тифлисской газете:

«Я поручил Шириеву доставить вам все, что я напечатал по возвращении из Тифлиса, — пишет Пушкин П. С. Санковскому в письме от 3 января 1833 года из Петербурга, — не знаю, исполнил ли он это. Что касается меня, то я должен вас очень благодарить за присланную вами «Тифлискую газету» — единственную между русскими газетами, имеющую своеобразную окраску и в которой встречаются статьи, представляющие действительно европейский интерес.»**

Пушкин познакомился и с другими деятельными сотрудниками «Тифлиских ведомостей», в частности с Аба-Кули Ага Бакихановым, одним из крупнейших тюркских писателей первой половины XIX века. С Бакихановым Пушкин встречался и позднее, в Петербурге.

Интерес Пушкина к тюркской литературе и тюркским поэтам проявляется неоднократно. В своем «Путешествии в Арзрум» Пушкин упоминает сейчас, к сожалению, забытого и совершенно не изученного, но довольно яркого и интересного азербайджанца-поэта Фазил-хана, с которым он встретился во время путешествия.

«Ждали персидского принца, — пишет Пушкин. — В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта, и, по моему желанию, представил меня Фазил-хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие, но как же мне стало совестно, когда Фазил-хан отвечал на мою неуместную затейливость простой, умной учтивостью порядочного человека... Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехал на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папаше и по крашеным ногтям.»***

Описывая лагерную жизнь в Арзруме, Пушкин рассказывает о своем знакомстве с азербайджанскими дворянами, находившимися в армии графа Паскевича. «Общество наше было разнообразно, — пишет поэт. — В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков: и беседа шла через переводчика.»****

Среди своих знакомых азербайджанцев Пушкину, очевидно, больше всех понравился из мусульманской конницы Фаргат-бек, которому поэт и посвятил небольшое стихотворение.*****

Не к чести «пушкинистов» надо заметить, что

* «Тифлиские ведомости» 1829, №№ 17, 26, 32.

** Пушкин, Письма, т. III, 1935, стр. 553, см. также: Бельчиков, Новые материалы о Пушкине. «Красный архив». 1928, т. 29, стр. 220.

*** А. С. Пушкин. Полное собран. сочинений, ГИХЛ, том, IV, 1934, стр. 749—750.

**** там же стр. 770.

***** Б. Л. Модзалевский. Из семейного архива Раевских. «Пушкин и его современники». Том I, вып. II, СПб., 1904, стр. 17.

это стихотворение по ошибочной традиции отнесено к иранскому поэту Гафизу.*

Но для истории литературы гораздо большее значение имеет идейная связь Пушкина с великим азербайджанским писателем XIX в., драматургом, просветителем, глашатаем материалистических идей Гольбаха, крупнейшим и передовым мыслителем Азербайджана и Ближнего Востока, современником поэта — М. Ф. Ахундзаде.

Гибель великого поэта отозвалась болью в сердцах лучших людей старой царской России.

Одновременно с М. Лермонтовым, далеко за кавказскими горами, в тихом полувосточном городке, где свирепствовала со всей жестокостью и беспощадностью кровопролитная завоевательная колониальная политика в Закавказье, выступил другой, «еще неведомый избравник», с восточной поэмой на смерть Пушкина.

Это было в Тифлисе в начале 1837 года. Автором был молодой тюркский поэт Мирза Фатали Ахундзаде — в будущем крупнейший писатель и общественный деятель Азербайджана. И не случайно, что переводчиком этой замечательной поэмы оказался друг А. С. Пушкина декабрист Александр Бестужев (Марлинский).

Подстрочник был составлен самим автором и представлен барону Розену, бывшему в период 1831—1837 г.г. главным управляющим гражданской частью, в канцелярии которого служил в качестве переводчика майор М. Ф. Ахундзаде.**

Вскоре поэма «На смерть Пушкина» вместе с подстрочным переводом была переслана находящимся в то время в Тифлисе Ив. Ив. Клементьевым в редакцию «Московского Наблюдателя».

А. А. Бестужев, узнав о существовании поэмы «На смерть Пушкина» Ахундзаде, незадолго перед своей смертью перевел ее и передал этот перевод автору. Но этому переводу суждено было быть последним посмертным произведением популярного автора «Аммалат-бека». Через три дня, высадившись вместе с отрядом у мыса Адлера, Бестужев был убит в перестрелке с черкесами.

В 1874 году Мирза Фатали Ахундов, перед отъездом проживавшего в Тифлисе ориенталиста Адольфа Берже, передал ему перевод А. А. Бестужева.*** В том же году этот перевод был опубликован в «Русской старине» с небольшим предисловием Адольфа Берже.

Поэма «На смерть Пушкина» тем более интересна для нас, что она написана представителем того самого народа, который на протяжении целого столетия находился под самым тяжким гнетом великодержавной России. Теперь, когда на одной шестой части всего мира бесповоротно победила Великая Пролетарская Революция, Азербайджан, бывшая колония Российской империи, вошедшая как равноправный член в могучую семью народов Советского Союза, гордится великим тюркским писателем, с такой искренней и теплой грустью откликнувшимся сто лет тому назад на смерть величайшего гения мировой поэзии Александра Сергеевича Пушкина.

* См. Пушкин, том II, стр. 405.

** Адольф Берже. Восточная поэма. На смерть А. С. Пушкина. Русская старина» 1874, сентябрь.

*** Подлинник перевода Бестужева находится в Пушкинском доме.

ПУШКИН ПЕРЕВОДЧИК

В 1836 году мастерство Пушкина достигло вершины. Это было ясно и самому поэту, который сумел с гениальной простотой выразить всемирно-историческое значение своего творчества в «Памятнике». «Любовник муз латинских», он собирался переводить Ювенала. Следы этой попытки дошли до нас в наброске «Ценитель умственных творений исполинских».

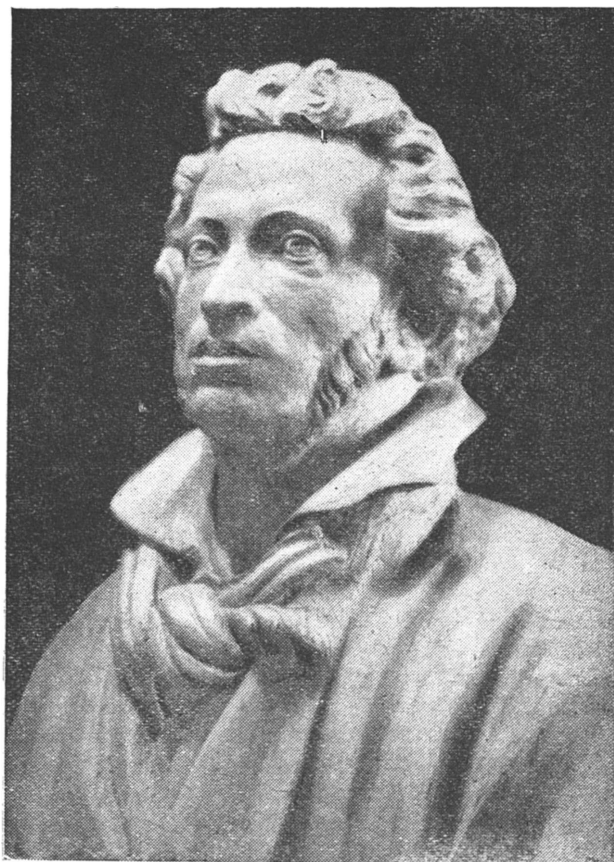
Я приготовился бороться с Ювеналом,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
Передожить я, было, дал обет;
Но, развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья.

Глубоко-интимное признание поэта, кажется, дает ключ к пониманию и того, почему Пушкин так мало переводил, и того, насколько он был «взыскателен» к своим переводам.

Для него передача того или иного образа прежде всего — дело любви, артистическая потребность творчески «перевыразить» (Пушкин) свое восприятие, возникшее при чтении, стремление заразить и других своими вкусами. Поэтому пушкинские переводы всегда — живая пропаганда. Так «влюблял» он читателей в Андрэ Шенье, в Мицкевича, в Шекспира, в античных поэтов, в фольклор народов, населявших современную ему Россию. Иногда по переводам можно почти осязаемо представить себе круг образов, волновавших поэта в это время, отражение их в его собственном творчестве. Наконец, самое мастерство перевода, совокупность художественных приемов и образность средств передачи неразрывно связаны с развитием пушкинского творчества, с эволюцией его языка. Пушкин, как никто, умел, сохраняя индивидуальность переводчика, в то же время передать все своеобразие оригинала, его национальные черты. Чудесный дар проникновения в дух и форму чужого произведения был настолько велик, что никогда отступление от некоторых **частностей** не мешало замечательному приближению к образцу, как к художественному **целому**.

Эту черту пушкинского искусства перевода прекрасно понял и оценил Белинский, когда писал об одном переводе из Горация: «перевод из Горация или оригинальное произведение Пушкина в горациевом духе — чтобы ни была эта пьеса — только никто из старых, ни из новых русских переводчиков и подражателей Горация не говорил таким горацианским языком и складом и так верно не передавал индивидуального характера горацианской поэзии, как Пушкин в этой пьесе, к тому же написанной прекрасными стихами. Можно ли не слышать в ней живого Горация?»

Способность «перевыразить» подлинник давалась Пушкину в результате огромной и упорной ра-

А. С. ПУШКИН

Скульптура Козлова

боты над переводами, работы, в которой гениальность сочеталась с необычайной добросовестностью.

По свидетельству О. И. Сенковского, Пушкин говорил о переводе баллады Мицкевича «Будрыс и его сыновья»: «Я недоволен этими стихами. Тут есть многие недостатки». Поэт указал на стих: «Нет, отец мой! полячка младая» и заметил: «это небрежность: надо было сказать молодая, но я поленился переделать три стиха для одного слова», и при этом добавил: «эта неточность лежит на моей совести». Если рассказ и не передает, может-быть, достоверно разговора, то во всяком случае прекрасно характеризует отношение поэта к своей работе. Так, при переводе-переделке стихотворения французского поэта Пелиссона «Трое глухих», Пушкин удовлетворился только пятым вариантом последней строчки. В переводе «Уединения» Арно первые две строки отклонялись от оригинала. Пушкин несколько раз исправлял их, снова зачеркивал написанное и оставил только тогда, когда убедился в невозможности сохранить близость к подлиннику. В «Неистовом Роланде» Ариосто есть такое место: «мысленно отыскивая он тысячи способов не верить тому, чему однако верит на свое несчастье». Пушкин перевел: «хотя еще он силится не верить», затем зачеркнул и написал: «не верить хочет он, но верит». И хотя вторая редакция передавала мысль подлинника, поэт не удовлетворился ею, зачеркнул, так и не разрешив, с его точки зрения, задачи.

Чтобы стало ясно, как огромен был труд, который Пушкин затрачивал на передачу оригинала, приведем черновик перевода 105 октавы поэмы Ариосто «Неистовый Роланд»:

. мудрит,
 Но чем он более хитрит,
 у
 Чтоб (по)тушить свое мученье
 Тем больше злое подозренье
 ется
 Возобновля(яся) горит
 Так птичка, легкий друг
 свободы
 (в сети) (в сетке) (сеть)
 попавши в роковую сеть
 Чем больше бьется тем
 (сильнее)
 сильней
 тем пуще
 (Запутав) (крепче) путается
 в ней
 Орланд идет туда, где
 (своды)
 (сводом)
 (лес) (холм) горы
 Нависли (сводом
 над ручьем).

Дословный перевод

Но чем больше старается
он потушить жестокое по-

дозрение, тем сильнее раз-
жигает и обновляет его как
неосторожная птичка, кото-
рая, попавши в сеть или
клей, запутывается тем
больше, чем больше бьется
крылышками и чем силь-
нее старается освободиться.
Орланд идет туда, где гора
образовала род свода над
прозрачным ручьем.

Канонический текст

Но чем он более хитрит,
 Чтоб утушить свое мученье,
 Тем пуще злое подозренье
 Возобновляется, горит.
 Так в сетке птичка, друг
 свободы,
 Чем больше бьется, тем
 сильней,
 Тем крепче путается в ней.
 Орланд идет туда, где
 своды
 Гора склонилась на ручей.

Точность достигает прямо-таки скрупулезности, когда Пушкин передает песни народов бывшей России. По его распоряжению был перепечатан в журнале «Благонамеренный» перевод молдавской песни «Черная шаль» (очень близкий к подлиннику) из-за отступлений, допущенных редакцией «Сына Отечества» в первопечатном тексте. 27 июля 1821 года Пушкин писал брату: «Черная шаль тебе нравится — ты прав, но ее чорт знает как напечатали». Эту внимательность к песне, которая не принадлежит ни к лучшим образцам пушкинского творчества, ни к лучшим образцам фольклора, можно объяснить только тем исключительным интересом, который проявлял поэт к национальному творчеству народов, угнетаемых царизмом.

Вторая песня «Режь меня, жги меня» («арде мэ, фридже мэ»), включенная в поэму «Цыганы», также весьма близка к подлиннику. 12 сентября 1825 года поэт писал Вяземскому: «радуюсь, однако, участи моей песни: режь меня. Это очень близкий перевод». Для более точной передачи национального фольклора Пушкин всегда стремился заручиться подстрочным переводом. Так И. П. Липранди указывает в своих воспоминаниях, что у живших в Кишеневе сербов поэт «собирал песни и часто при мне спрашивал о значении тех или других слов для перевода». Так же «слово в слово» была записана для поэта грузинская песня. С замечательной точностью переводит Пушкин и сербские песни из сборника Вука Караджича («Сестра и брат», «Что белеется на горе зеленой»).

С принципиально иным отношением мы встречаемся при передаче западно-европейского фольклора и тех образцов книжной поэзии, в которых поэт раскрывал фольклорные элементы. С этим материалом он обращался свободнее, стремясь не столько перевести, сколько ввести его в фонд русской песни, придать ему национально-самобытные черты.

* В круглые скобки заключены слова, зачеркнутые Пушкиным, справа — канонический текст.

В первой редакции пушкинской «Шотландской песни» мы имеем четыре строфы (с элементами пятой как в подлиннике). Затем Пушкин сводит текст к трем строфам, постепенно «фольклоризуя» его. Так появились образы: «под ракитой» (вместо прежнего — «под горою»), «хозяйка молодая» (в первой редакции — «подружка») «богатырь» (ранее — «молодец»). Пес, фигурирующий в подлиннике, заменен сначала «конем», потом «лошадью» и, наконец, «кобылкой вороной». Такой же процесс мы видим и в переделке другой шотландской песни (у Пушкина: «Воротился поздно мельник»). Пушкин взял самые существенные черты оригинала, устранил вопросы-повторы, придававшие ему национальную окраску, и этим перевел, так сказать, в иной ключ, в ключ русской народности.*

Стремление к народности в переводах отразилось еще и в ряде иных моментов, относящихся уже к самой манере пушкинского перевода, к его «борьбе» с оригиналом.

К числу их надо отнести в первую очередь то, что можно назвать **очеловечиванием** подлинника. Пушкин во всех переводах, начиная с «Кольных» и кончая «Пиром во время чумы», сокращал, смягчал и изменял батальные сцены. Но эта особенность переводческой манеры поэта особенно ярко выражена в «Песнях западных славян», где он совершенно сознательно обходит всякое подчеркивание кровожадности враждующих сторон.

Так оставлены без перевода образы «мы поне-сем их головы в нашу страну» (битва при Зенице Великой); «сожгли города и села этих собак» переведено: «стали жечь турецкие деревни». Отброшено указание, что победители «несут с триумфом» поднятые на пики головы гайдуков (Гайдук Хризич). В «Видении короля» у Пушкина «одежи ко-жей Радивоя», в то время как в подлиннике «одеся Радивой с радостью» (в кожу, содранную с брата. — Г. В.). У Меримэ один из сыновей Хризича разрезал себе руку ножом, чтобы брат напился его крови. У Пушкина брат только **предлагает** брату это сделать. Разница в трактовке образов огромная.

Пушкин стремится также подчеркнуть участие массы в описываемых песнями событиях. В «Марко Якубовиче» — на кладбище идет **все село**, в то время как в подлиннике событие не выходит за пределы **семьи** (то же в «битве при Зенице»). На ряду с этим поэт борется со стремлением Меримэ нарушить правдоподобие обычного представления о человеческой силе. В «Битве при Зенице» Меримэ говорит, что каждый воин стоил десяти; у Пушкина соответственно говорится о трех; вместо ста ружей против трех гайдуков, у Пушкина только сорок; число убитых каждым воином в переводе три, вместо десяти, указанных в оригинале.

Смягчена и подчеркнутая у Меримэ религиозность в быту славянских народов.

* Среднее место занимают «Песни западных славян». Сохраняя значительную точность в их переделке (надо помнить, что поэт переводил стихами прозу), Пушкин использует в переводе поэтику русского фольклора. Поэтому «конь белый, как снег» или «ко ь» у Пушкина превращается «в коня вороного» («Песни западных славян»). Характерно, что «конь вороной» в песне из сборника Караджича «Сестра и братья» в переводе воспроизведен.

В «Марко Якубовиче», например, оставлено без перевода «заклял именем Исуса»; то же в «Янко Марнавиче»; во «Влахе в Венеции» вместо «бог на помощь» переведено «здравствуй». В «Видении короля» вместо «божественный Исус» — «Исус».*

В плане того же стремления к народности лежит и постепенная демократизация языка переводов, отразившая общие процессы реформаторской деятельности Пушкина в этой области.

В лицейских переводах удельный вес «славянизмов» очень значителен. В двадцатых годах Пушкин начинает колебаться в выборе словаря, но его симпатии уже далеки от «высоких речений». Например, в «Черной шали» «лобзання», «простерлась мгла» и т. д. первой редакции заменяются «поцалуй», «настал мгла». Но часть славянизмов, особенно освоенных разговорной речью, остается («хладный», «злато»). В переводах из Шенье и Ариосто Пушкин снова возвращается к славянизмам для подчеркивания архаичности. В первой редакции перевода: «Внемли, о, Гелиос» фразу Шенье («если не будешь вожатым») Пушкин переводит подчеркнуто приподнято: «если вождем не предыдешь». В последующей редакции «вождем» изменяет на «вожатым».**

Славянизмы, которые в переводах из Шенье играют роль элемента «высокого штиля», в «Песнях западных славян» становятся источником «фольклоризации» песни — приближения ее к народному творчеству (ср. «нарещи такой проклятой гвари»). На ряду с этим усиливается функция языковых средств, взятых из фольклора (например, «стали баять: «Елена брюхата» — в «Федоре и Елене», или «тут и смерть ему приключилась» — в «Янке Марнавиче»). Но уже переводы из Катулла, Мицкевича, Вильсона, Джигани, Ариосто и др. показывают, что поэт распространил демократизацию языка и на перевод.

Используя для воспроизведения художественных особенностей оригинала такие приемы, которые вошли в практику перевода через много десятиков лет***, Пушкин в то же время не делает из формы модели. Там, где он встречал в подлиннике самоцельную игру слов «только для проявления форм», он оставляет ее без перевода. Так, передав с изумительной близостью к Катуллу стихотворение «Мальчик», Пушкин вовсе обходит строку: *ebrosio acino ebrosioris* (Фет впоследствии перевел, не сохранив игры звуков: «пьянее ягоды налившись виноградной»). Что в таких случаях перед нами вполне сознательное отношение к приему — доказывают высказывания Пушкина.

«У нас употребляют прозу. — писал поэт в 1827 г., не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а только для проявления форм».

Поэтому он восстает против педантских канонов французской поэзии, против тех, «которые сами

* Переводя песню из сб. В. Караджича «Сестры и братья», Пушкин вместо «За что сестра? Пусть тебя бог накажет» изменяет: «За что же? Скажи, ради бога». Изменено и заглавие (У Караджича; «Бог никому не остается должен»).

** Обратный процесс некоторого усиления славянизмов во второй редакции встречаем в переводе из Ариосто.

*** Напр., субституты — замещения или условная передача стиля подлинника в одном образе, в одном стихе. Например, строкой «пап мой, дельп мпе не можно» Пушкин придает сразу «польскозть» переводу баллады Мицкевича («Воевода»). Замечательно воспроизведение сложной системы повторов в песне «Сестра и братья».

полагают слишком большую важность в форме стиха» («Жизнь, стихи и мысли И. Делорма») (С.-Бева, 1830), которые «пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли — истинной жизни его, независимой от употребления» (1834).

По свидетельству Смирновой (которое в данном случае вполне совпадает с высказываниями самого поэта), Пушкин отрицательно относился к эпиграмам («последователями великих поэтов») за то, что они подражают «стиху», между тем как «в поэзии форма, не содержащая мыслей и чувств, есть ни что иное, как упражнения парнасцев».

Пушкин не любил у Овидия того, что его стихи (за исключением «Тристий») «до изысканности щеголеваты». Мы видели, как эту «изысканную щеголеватость» отдельных стихов (Катулл, Меримэ) Пушкин обходил в переводе. Его тянуло от французской поэзии к народности тех английских поэтов, «которые напротив исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком частного простолюдина».

Борьба за народность нашла отражение и в стремлении наиболее простыми средствами передать изощренность формы — образа, ритма, особенно строфики.

Не стремясь достигнуть точно слепка сложной строфической формы, Пушкин двумя-тремя штрихами, незаметным изменением своей обычной для этого периода строфики, дает понять, что в оригинале какое-то необычное сочетание строк.

Отразилась на переводах и борьба Пушкина против перифрастического стиля, против «условных украшений стихотворства», его стремление к «нагой простоте» (ср. «Д'Аламбер сказал однажды» и др.). Даже у такого скупого на «украшательство» писателя, как Меримэ, Пушкин находит «красоты», оставляя их без перевода (особенно «Марко Якубович», «Видение короля»).

Все поправки, снимая излишнюю «щеголеватость», несколько не стирали своеобразия подлинника — в пушкинских переводах деликом отражалось то, что поэт считал неотъемлемой принадлежностью искусства — «верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность» (Пушкин о Баратынском, 1828 г.).

Пушкинская простота никогда не превращалась в упрощение. Поэтому ни один самый смелый образ подлинника не остается у Пушкина без соответствующей передачи.

Однако смелость отдельных образов не могла для Пушкина исчерпать целей поэзии; он всюду ищет «высшей смелости». Эта «смелость изобретения», «смелость плана» были для поэта неотъемлемым признаком подлинной народности великих поэтов («О народности в литературе». «О шатобриановом переводе Мильтона»).

Размеры статьи не дают возможности остановиться на рассмотрении ряда других вопросов переводческого стиля Пушкина. Однако и приведенные факты свидетельствуют о том, что к Пушкину с гораздо большим правом можно приложить его же слова, сказанные о Дельвиге: «Какую должно иметь силу воображения, дабы из России переселиться в Грецию, из XIX столетия в золотой век — и необыкновенное чутье изящного, чтобы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания и немецкие переводы».

ПУШКИН В РУССКОЙ КРИТИКЕ XIX В.

«Он первый возвел у нас литературу в достоинство национального дела, между тем как прежде она была, по удачному заглавию одного из старинных журналов, «Приятным и полезным препровождением времени» для тесного кружка дилетантов. Он был первым поэтом, который стал в глазах всей русской публики на то высокое место, какое должен занимать в своей стране великий писатель. Вся возможность дальнейшего развития русской литературы была приоткрыта и отчасти еще готовится Пушкиным».

Из этих замечательных слов Н. Г. Чернышевского, сказанных им через два десятилетия после смерти Пушкина, можно понять, почему творчество Пушкина являлось одной из самых актуальных тем на протяжении всей истории русской критики XIX—XX ст. Пушкин был основоположником национальной литературы, он приготовил «всю возможность дальнейшего развития русской литературы», поэтому и борьба за Пушкина, которая проходила в критике, была борьбой за всю русскую литературу. Непрерывавшиеся на протяжении столетия ожесточенные споры вокруг литературного наследия Пушкина, факты многократного и противоречивого истолкования его творчества со стороны разных общественных группировок — все это говорит об особом историческом значении Пушкина, о совершенно особых масштабах его творчества, несоизмеримого с творчеством ни одного из русских писателей последующего времени.

Гений Пушкина был впереди своего времени. Современники поэта не сумели понять значение того огромного переворота, который совершил Пушкин в русском языке и в русской литературе. Представителям старого феодального мира, защитникам «старинны» творчество Пушкина было глубоко враждебным. Их поражала дерзость Пушкина, они видели в нем разрушителя традиций, литературного бунтаря. Нечего и говорить, что против Пушкина восстала вся реакционная критика его времени. Представителям этой критики, желавшим сохранения в неприкосновенности основ крепостнического строя и дворянской культуры, конечно, было совершенно неприемлемо то новое, что вносил Пушкин в литературу.

Против Пушкина боролись защитники «старинны», но Пушкина до конца не понимали и прогрессивные деятели его времени. Литературные задачи, которые ставил перед собою Пушкин, оказались не под силу даже его друзьям, декабристам. Декабристы восторженно принимали Пушкина — автора романтических поэм, последователя Байрона, но им непонятен и чужд был путь Пушкина к реализму. «Но Онегин, сужу по первой песне, — писал К. Ф. Рылев Пушкину, — ниже и «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника». Подобно Рылеву и другие декабристы ждали в «Евгении Онегине» новой романтической поэмы, подобной байроновскому «Дон-Жуану», но увидели, что

Пушкин пошел по какому-то непонятному им пути. «Конечно, многие картины прелестны, но они не полны», — упрекал Пушкина за первую главу «Евгения Онегина» декабрист И. А. Бестужев. «Ты схватил петербургский свет, но не проник в него. Прочти Байрона, он, не зная нашего Петербурга, описал его схоже — там, где касалось до глубокого познания людей». Пушкину рекомендовали изучать Байрона в ту пору, когда он уже преодолевал его школу и создавал величайшее реалистическое произведение, положившее основу всей реалистической поэзии нового времени.

В ряду критических отзывов о Пушкине, принадлежащих его современникам, были, конечно, сочувственные и даже восторженные отзывы. Однако можно со всей уверенностью сказать, что ни один из современных Пушкину критиков не мог до конца уяснить все великое историческое значение автора «Евгения Онегина», «Бориса Годунова».

Среди всех высказываний о Пушкине 20-30-х г. г. совершенно одинокой по глубине идей является статья о Пушкине, принадлежащая перу не литературного критика, а другого великого художника, еще при жизни Пушкина начинавшего свою литературную деятельность. Мы имеем в виду статью Гоголя «Несколько слов о Пушкине», вошедшую в состав «Арабесок». Гоголь поставил кардинальнейший вопрос, углубленный и обоснованный впоследствии революционно-демократической критикой: Гоголь впервые заговорил о национальности и народности Пушкина. Пушкин, писал Гоголь, «при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

Гоголевскую оценку Пушкина полностью и целиком принял Белинский, когда он в 40-х г. г. выступил с циклом своих знаменитых пушкинских статей в «Отечественных Записках». К 1842—1843 г. г. общественные взгляды Белинского окончательно определились как взгляды революционера, непримиримого борца против крепостничества и самодержавия. Пройдя школу гегелевской философии, «ненстовый Виссарион» к этому времени уже понимал ее революционную суть, он пользовался уже гегелевской диалектикой, как «алгеброй революции» (Герцен). Более того, в 1842—1843 г. г. Белинский вплотную подошел к материализму Фейербаха. Проблема Пушкина, которую ставил и разрешал Белинский в своих статьях 1843—1846 г. г., отнюдь не была для него академической, только историко-литературной проблемой. Борьба за Пушкина для Белинского была борьбой за русскую литературу, как за могучую силу в деле

освободительного движения. Литературой, которая могла служить этому делу, была создававшаяся реалистическая литература. За реализм в литературе и боролся Белинский, отстаивая судьбы подлинной национальной литературы против псевдонародной литературы славянофилов, против ходульной казенно-патриотической литературы 40-х г. г., которая расцветала «только у подножия императорского трона и под сению Петропавловской крепости» (Герцен). Идея реализма была руководящей идеей и в критической практике Белинского. Белинский учил, что только такие писатели могут войти в историю литературы, которые правдиво отражают действительность своего времени, которые развивают и углубляют реалистические тенденции. Белинский гениально показал, что творцом реалистического направления в русской литературе, основоположником национальной литературы и был Пушкин.

Для Белинского в 40-е г. г. проблема Пушкина стала центральной проблемой всей истории русской литературы. В своих статьях о Пушкине 1843—1846 г. г. Белинский замечательно показал, как Державин, Батюшков и Жуковский подготовляют и «объясняют» Пушкина и как, с другой стороны, Пушкин «объясняет» Гоголя и Лермонтова, которые продолжали дело Пушкина.

В чем же заключается тот переворот, который совершил Пушкин, дав русской литературе возможность дальнейшего ее развития? «Наша русская поэзия до Пушкина, — отвечал на этот вопрос Белинский, — была именно позолоченною пилюлею, подслащенным лекарством. И потому в ней истинная, вдохновенная и творческая поэзия только проблескивала временами в частностях, и эти проблески тонули в массе риторической воды. Много было сделано для языка, для стиха, кое-что было сделано и для поэзии; но поэзии, как поэзии, то-есть такой поэзии, которая, выражая то или другое, развивая такое или иное мирозерцание, прежде всего была бы поэзией, — такой поэзии еще не было! Пушкин был призван быть живым откровением ее тайны на Руси. И так как его назначение было завоевать, усвоить навсегда русской земле поэзию, как искусство, так, чтоб русская поэзия имела потом возможность быть выражением всякого направления, всякого созерцания, не боясь перестать быть поэзией и перейти в рифмованную прозу, то естественно, что Пушкин должен был явиться исключительно художником. — Еще раз подчеркивал Белинский, — до Пушкина были у нас поэты, но не было ни одного поэта-художника: Пушкин был первым русским поэтом-художником».

Характеристика Пушкина, как создателя национальной художественной формы, является основой всей концепции пушкинского творчества, которую обосновал Белинский, а вслед за ним продолжили и развили Чернышевский и Добролюбов. Нужно вдуматься в эту характеристику и понять ее. Мы имеем здесь глубочайшую философско-историческую постановку проблемы Пушкина. В самом деле, какой была русская литература до Пушкина? Эта литература, при всей талантливости и значительности ее отдельных представителей, еще не отражала национальной жизни. Это была подражательная литература, в которой господствовали заим-

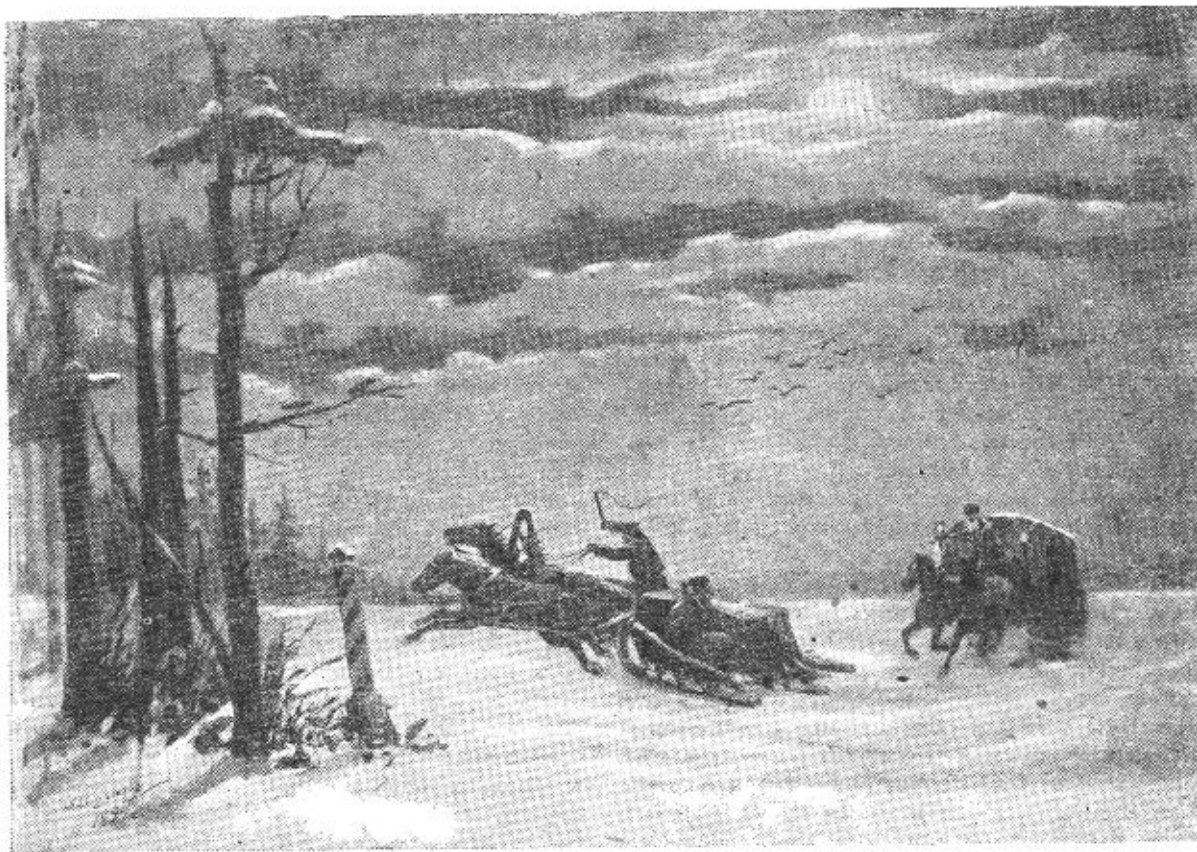
ствованные из Европы художественные формы и в которой слишком мало было национально-самобытного содержания. Отсталость крепостнической России по сравнению со странами Западной Европы сказывалась и в литературе: конечно, в России и до Пушкина были крупные таланты, но не было художника, равного по масштабу гению Шекспира или Гете, не было национальной литературы, т. е. такой литературы, которая могла бы вступить в соревнование с литературами западно-европейских стран. «Только с Пушкина начинается русская литература, — писал Белинский, — ибо в его поэзии бьется пульс русской жизни. Это уже не знакомство России с Европой, но Европы с Россиею». Белинский в своих статьях замечательно показал, что Пушкин был основоположником русской литературы и что только с Пушкина русская литература входит в мировую литературу. Пушкин был «первым русским поэтом-художником», он создал национальную художественную форму. В связи с этим основным вопросом в истолковании Белинским творчества Пушкина следует отметить одно недоразумение. В ряде статей последних лет (Д. Благого, Д. Мирского и др.) Белинскому без всяких оснований приписывается формалистическая трактовка Пушкина. Если Белинский денил в Пушкине в первую очередь «поэта-художника», создателя художественной формы, то, следовательно, Белинский обращал главное внимание на мастерство Пушкина, на его поэтическую технику. Белинскому предъявляется обвинение в том, что он якобы разрывал форму и содержание в творчестве Пушкина. Такая постановка вопроса является грубейшим извращением взглядов Белинского и должна быть осуждена со всей резкостью. Нужно вспомнить, что художественная форма в понимании Белинского — это отражение правды жизни в ее типических чертах. Для Белинского художественная форма вовсе не являлась совокупностью внешних приемов организации материала, какой она является для формалистов и вульгарных социологов. Законы художественной формы для Белинского — это отражение закономерности форм реального бытия, ибо в художественной форме концентрированно отражается живая и реальная действительность, реальные отношения между людьми и пр. Вот почему квалификация Белинским Пушкина как «первого русского поэта-художника» есть в то же время и определение его значения как основоположника национальной литературы. Вот почему, когда Белинский пишет об историческом назначении Пушкина «завоевать, усвоить навсегда русской земле поэзию, как искусство» — это значит, говоря словами Чернышевского, что «вся возможность дальнейшего развития русской литературы была приготовлена Пушкиным».

В высшей степени показательно, что именно этот тезис Белинского о Пушкине, как создателя национальной формы, непонятный или, по крайней мере, неясный некоторым современным историкам литературы, полностью и целиком был принят революционно-демократической критикой. Чернышевский писал о Пушкине: «великое дело свое — ввести в русскую литературу поэзию, как прекрасную художественную форму, — Пушкин совершил вполне, и, узнав поэзию, как форму, русское общество могло уже идти далее и искать в этой форме содержания. Тогда началась для русской литературы

новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтов и Гоголь». Белинский, так же как и продолжатели его дела Чернышевский и Добролюбов, не уставал разъяснять великое значение Пушкина, как основоположника национальной литературы. Но Белинскому, так же как и просветителям-революционерам 60-х г. г., было глубоко чуждо и враждебно эстетское любование Пушкиным. Революционно-демократическая критика в борьбе за русскую литературу полностью и с величайшей любовью принимала наследие гениального поэта, но она не ограничивалась этим наследием. Критика Белинского, Чернышевского и Добролюбова потому и была революционно-демократической критикой, что она не уставала звать вперед к новым задачам, к новой борьбе. Уже для Белинского, как ни актуально было для него творчество Пушкина, проблемы «субъективной» поэзии, проникнутой пафосом отрицания (Гоголь, Лермонтов), проблемы натуральной школы выступали на первое место. Белинский, разумеется, нисколько не приуменьшал этим значения творчества Пушкина, как клеветнически утверждала помещичье-дворянская критика, пытавшаяся уже с конца 40-х г. г. монополизировать литературное наследие Пушкина для обоснования реакционной теории «чистого искусства». Белинский, а за ним Чернышевский и Добролюбов, разъясняя великое значение Пушкина, звали в то же время к новым задачам в литературе, к новым формам реализма. Наоборот, представители теории «искусства для искусства» тянули назад к прошлому, эстетизировали и фальсифицировали Пушкина. Борьба за Пушкина, которую вели против эстетической реакционной критики Чернышевский и Добролюбов, проходила в неизмеримо более трудных условиях, в неизмеримо более сложной обстановке классовых отношений, чем это было во времена Белинского. Но так же как и для Белинского, для революционных демократов борьба за Пушкина была борьбой за всю русскую литературу. Ибо гоголевское сатирическое, или, как любил его называть Чернышевский, критическое направление было бы невозможно без Пушкина. Ибо ведь Пушкин, как многократно подчеркивали и Чернышевский и Добролюбов, был предшественником и Гоголя. Еще Белинский, обосновывая и защищая натуральную школу, аргументировал Пушкиным в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.». Через десять лет Добролюбов заявлял, что Пушкин «в своей поэтической деятельности первый выразил возможность представить, не компрометируя искусства, ту самую жизнь, которая у нас существует, и представить именно так, как она является на деле». «Пушкин так умел овладеть формой русской народности, — подчеркивал Добролюбов, — что до сих пор удовлетворяет в этом отношении даже вкусу весьма взыскательному». Для революционеров-демократов Пушкин всегда оставался основоположником национальной литературы, величайшим художником-реалистом.

«Разрушение эстетики», которое пытался в 60-е годы осуществить Писарев, знаменовало новую страницу в истории русской общественной мысли и в истории истолкования творчества Пушкина. После Чернышевского и Добролюбова началось разложение революционно-демократической критики. Гегель и Фейербах сменились О. Контom и Спенсером. Борьба против крепостничества и самодержавия сменилась защитой культурного капитализма. Писарев объявил, что эстетика и реализм «находятся в непримиримой вражде между собой, и реализм должен радикально истребить эстетику» и пытался доказать, что Пушкин был только «усерднейшим адвокатом рассеянного бряцания», «великим стилистом» и «маленьким и миленьким поэтом», который не может ни в какое сравнение идти с Шекспиром, Байроном и другими европейскими гениями. Попытка Писарева объявить литературное наследие Пушкина ненужным и вредным для освободительного движения была только на руку представителям реакционного лагеря. Через пятнадцать лет, как бы в ответ на писаревский приговор Пушкину, прозвучала речь Ф. М. Достоевского на открытии памятника Пушкина в Москве в 1880 г. Речь Достоевского о Пушкине произвела колоссальное впечатление; в своих основных установках она предопределила направление для буржуазно-дворянского истолкования Пушкина конца XIX — начала XX ст. Достоевский выдвинул пушкинскую поэзию, как поэзию «всепримирующего» смысла, как такую поэзию, которая может умиротворить общественные противоречия. Характерно, что именно по этому направлению и пошла буржуазно-дворянская критическая мысль.

Великая Пролетарская Революция сделала Пушкина доступным широким народным массам, только советский народ узнал подлинного Пушкина. В свободной Советской стране великая слава Пушкина, как создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, стала поистине всенародной славой. «Русский народ справедливо гордится своим поэтом. В Пушкине сказались талантливость, сила, вдохновение, страсть великой страны, ее трудящихся масс» (ЦО «Правда» 1935, 17/XII). Еще Белинский писал, что к особым свойствам пушкинской поэзии «принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека, как человека... Придет время, когда он (Пушкин) будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовываться и развиваться не только эстетическое, но и нравственное чувство». Мы можем сказать сейчас, что такое время пришло. Творчество Пушкина получает в наши дни новую жизнь. Гениальный поэт является для нас не только образцовым мастером поэзии, учителем искусства, но и великим строителем душ свободных людей бесклассового социалистического общества.

Тайный увоз тела Пушкина

С картины А. Наумова

ИВ. ПРОСЯНИК

ПОХОРОНЫ ПУШКИНА

Гибель Пушкина на дуэли с кавалергардом Дантесом вызвала общественное негодование. И как ни старались Николай I и Бенкендорф предупредить порыв протеста и негодования, они прокатились волной по всей России. Общественный протест, вызванный смертью Пушкина, уже тогда засвидетельствовал, что гибель поэта — не личная драма, а следствие неустанной борьбы гениального поэта против жандармской России, ее светских и духовных ханжей, против придворной челяди. Палачи свободы насильственно оборвали замечательную жизнь.

Весть о кончине поэта в миг облетела Петербург. К Мойке стекались толпы людей. «Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя без удивления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща...» (из воспоминаний Мещерской-Карамзиной).

В эти же дни к подъезду нидерландского посольства непрерывно подъезжали кареты. В гостиной Геккерна столичные вельможи один за другим спешили выразить свое чувство радости барону по поводу благополучного исхода дуэли для проходимца Дантеса. Непрерывный поток людей устремлялся к Мойке. Царь и полиция пере-

пугались демонстрации. Шеф жандармов Бенкендорф спешил расставить солдатские пикеты, жандармов и переодетых шпионов. Кабинет поэта, в котором находились бумаги, был опечатан. Отпевание назначили в церкви при Адмиралтействе, но, боясь демонстрации, тайком ночью перевезли в Конюшенную церковь. С отпеванием торопили. В полночь на вынос явилось больше жандармов, полицейских и шпионов, чем почитателей. Потрясенная всем происшедшим Наталья Николаевна находилась в тяжелом состоянии. Она обращается с просьбой к царю разрешить лицейскому товарищу Пушкина Данзасу проводить тело поэта в Псковскую губернию, но безуспешно. 2 февраля Жуковский передал Александру Ивановичу Тургеневу повеление Николая I сопровождать тело Пушкина и письмо Бенкендорфа графу Строганову. Вот что писал шеф жандармов: «Ваше сиятельство! Я поспешил довести до сведения его величества просьбу госпожи Пушкиной о дозволении Данзасу проводить тело до последнего его жилища. Государь ответил, что он сделал все, от него зависящее, позволил господину Данзасу, находящемуся под судом, оставаться при теле своего друга до нынешней церемонии, но более продолжительная отсрочка была бы противозаконна и потому невозможна, к этому государь прибавил, что господин Тургенев, старинный друг покойного, в настоящую минуту не связанный занятиями, мог бы

оказать эту последнюю услугу жене Пушкина — и что он поручает ему сопровождать тело.

Спешу сообщить вам высочайшую волю» (Русский архив, 1864 год, № 4, стр. 470).

Анонимные письма, полученные Жуковским и приближенным Николая I будущим шефом жандармов Орловым, снова вызвали опасения правительства. Бенкендорф пугал царя возможной демонстрацией во Пскове. После аудиенции управляющий канцелярией 3-го отделения Мордвинов получил служебную записку Бенкендорфа, в которой тот писал: «Я только-что видел императора, который приказал сказать вам, чтобы вы написали псковскому губернатору: пусть он запретит для Пушкина все, кроме того, что делается для всякого дворянина; к тому же раздербония имела место здесь, не для чего уже ее делать» (Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», стр. 227). В Ковюшенную церковь явились многочисленные друзья Пушкина, главы иностранных миссий были почти в полном составе, хотя прусский посол Либерман отклонил приглашение явиться на отпевание Пушкина по той причине, что Пушкин, как ему сказали, подозревался в либерализме. На панихиде в Ковюшенной церкви граф Строганов представил Тургеневу жандармского капитана Ракеева, назначенного сопровождать Пушкина, и сообщил о воле царя — увезти

Пушкина завтра в ночь. «3 февраля в полночь, — писал Тургенев двоюродной сестре Нефедьевой, — мы отправились из Ковюшенной церкви с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кубитке, позади тела; жандармский капитан впереди оно. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы.

Ночью проехали мы Софию, Гатчину, к утру 4-го февраля были уже в Луге за 140 верст от Петербурга» («Пушкин и его современники», т. II, стр. 71—72). Возвращавшаяся из Могилева жена цензора Никитенко на одной из ближайших станций к Петербургу увидела простую телегу, на телеге обернутый рогожей и покрытый соломой гроб, а возле телеги суетившихся жандармов.

— Что это такое? — спросила она у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что? Вишь, какой-то Пушкин убит, и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, проси господи, как собаку.

Между тем Пушкина мчали все дальше и дальше от Петербурга и вскоре прибыли во Псков. Жандармский капитан Ракеев вручил губернатору письмо министра внутренних дел Блудова: «Скон-

Картина художника Федорова «Похороны А. С. Пушкина в Святогорском монастыре», получившая вторую премию на конкурсе Лен. Обл. Союза художников на лучшее художественное произведение, посвященное столетию со дня смерти А. С. Пушкина

чавшийся здесь 29 минувшего января в звании камер-юнкера двора его императорского величества Александр Сергеевич Пушкин при жизни своей изъявил желание, чтобы тело его предано было земле в Псковской губернии, Опоческого уезда в монастыре Святой горы, на что вдова его просит разрешение. Разрешив перевозку упомянутого тела, буде оно еще не предано земле и закуполено в засмоленном гробе, имею честь уведомить о том ваше превосходительство, покорнейше прося вас, милостивый государь, учинить зависящие от вас в сем случае по части гражданской распоряжения в Псковской губернии. К сему не лишним считаю присовокупить, что об учинении надлежащих в сем случае по части духовных распоряжений я сообщил господину обер-прокурору святейшего синода. Министр внутренних дел статс-секретарь Д. Блудов, директор Оржевский».

В ту же ночь послано было к архиерею, жившему в пяти верстах от Пскова, отношение синодального обер-прокурора Протасова о принятии и погребении тела Пушкина. Архиепископ псковский Нафанаил спешил предупредить настоятеля Святогорского монастыря архимандрита Геннадия о том, что синодальный обер-прокурор известил его о воле царя предупредить всякую церемонию и поскорее похоронить Пушкина.

Через несколько часов по приезде Тургенева и Ракеева, во Псков прискакал статский советник Яхонтов и вручил губернатору Пешурову письмо статс-секретаря Мордвинова, содержащее тоже предупреждение царя и шефа жандармов.

На 54-й версте от Пскова предупрежденные отношением губернатора исправник и городничий города Острова встретили сопровождавших тело Пушкина. А 9 февраля острожский земский исправник Бородин доносил губернатору, что «Во исполнение предписания вашего превосходительства от 4-го сего февраля за № 557 донести честь имею, что тело умершего в Санкт-Петербурге камер-юнкера Александра Пушкина проследовало через сей уезд 5-го числа и 6-го поутру весьма рано командированным мною состоящим при занятии делами в земском суде, поручиком Филипповичем, препровождено в Опоческий уезд, находящийся близ имения отца покойного Пушкина Святогорский монастырь и предано по обряду христианскому земле» (из дел архива псковского губернского правления, по описи № 13, 1837 г.). Из Острова Тургенев приехал в Тригорское. О смерти Пушкина тригорская соседка Пушкина Осипова знала от дочери, находящейся в Петербурге. По просьбе Тургенева, Осипова послала дворовых рыть могилу Пушкину в Святогорском монастыре. После обеда Тургенев отправился к месту погребения поэта.

В 7-м часу вечера гроб с телом Пушкина прибыл с неотлучным дядькой Никитой Козловым. Гроб с телом внесли в верхнюю церковь, где он оставался до утра. Дворовые крестьяне Михайловского, узнав, что прибыло тело Пушкина, пришли сюда. Вечером Тургенев с жандармским капитаном возвратились в Тригорское. Равнодушный к происшедшему, жандармский капитан ушел на покой. А в гостиной Осиповых Александр Иванович Тургенев в обществе Прасковьи Александровны и ее дочерей Марии и Екатерины долго еще говорили о погибшем поэте. Осипова и дочери рас-

сказывали Тургеневу о жизни Пушкина в Михайловском, показывали альбомы с его стихами. Тургенев рассказал о впечатлении, какое произвела смерть Пушкина в Петербурге. 6 февраля на рассвете Тургенев и жандарм уехали из Тригорского в Святогорский монастырь. В промерзшей земле все еще продолжали рыть могилу. Дядька Никита Козлов и несколько крестьян вынесли из собора гроб и опустили в могилу. Несколько присутствующих плакало. Тургенев бросил горсть земли и слезы брызнули из его глаз... Вскоре немногочисленная толпа разошлась. На занесенном снегом холме чернела свежая могила с деревянным крестом и лаконической надписью «Пушкин». В Михайловском, куда приехал Тургенев в сопровождении Марии Ивановны Осиповой, было пустынно. Дворник и жена его плакали. Поторапливаемый жандармом Александр Иванович выехал в обратный путь. Спустя два дня псковской губернатор доносил министру Блудову: «На предписание вашего высокопревосходительства имею честь донести, вследствие отношения ко мне управляющего 3-м отделением собственной его величества канцелярии действительного статского советника Мордвинова с объявлением высочайшей воли о привозе тела умершего камер-юнкера Пушкина, распоряжение мною сделано еще до получения предложения вашего». Прах Пушкина был предан земле, когда Опоческий земский исправник предписывал сельскому заседателю отбыть в Святогорский монастырь и находиться при предании земле тела Пушкина. В Петербурге Жуковский и Дубельт разбирали бумаги поэта. Бумаги доставлялись Бенкендорфу, и если он находил их «предосудительными», — сжигались.

Разжалованный Дантес и отозванный барон Геккерн оставили Россию. Наталья Николаевна уехала с детьми в деревню брата. Дантес некоторое время был не у дел, но позже сделал блестящую карьеру. Вначале тайным посланником Людовика Бонапарта, а затем сенатором при Наполеоне III, одновременно продолжая быть шпионом русского правительства. Двор, вдохновивший на гнусное убийство, ликовал. В петербургских великосветских салонах некоторое время продолжались самые разнообразные толки о последнем событии, но вскоре поэт был забыт. Правительственная печать молчала, и только спустя десять лет появилось официальное извещение о смерти Пушкина. Но подлинный смысл трагической гибели поэта был завуалирован казенными писателями. Они пытались свести социальный конфликт к семейной драме. Правду о Пушкине узнал только читатель Советского Союза. Предстоящее столетие со дня трагической гибели великого поэта будет всенародным праздником расцвета социалистической культуры. Народы Великого Союза будут чтить того, в творчестве которого прозвучал подлинный интернационализм, выраженный в пророческом предвестии:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык —
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долбо буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ НАШЕЙ СТРАНЫ О ПУШКИНЕ

П. СМОРОДИН

Секретарь Московского райкома ВКП(б)

К. С. ПЕТРОВ-ВОДКИН

Заслуженный деятель искусств

С творчеством А. С. Пушкина я познакомился, когда мне было 13 лет. В то время я жил в деревне и учился в церковно-приходской школе. Позднее приходилось читать Пушкина и отдельные стихотворения декламировать в различных культурно-просветительных рабочих кружках. Больше других произведений Пушкина я люблю «Евгения Онегина» и «Капитанскую дочку».

Образность, глубина, простота художественного языка — вот то, что больше всего ценно в творчестве поэта. Эти достоинства произведений Пушкина делают его из всех классиков наиболее популярным писателем в массах. Пушкин — подлинно народный художник, и по своей доходчивости до самых широких кругов читателя он едва ли имеет себе равных. Разумеется, это выдвигает серьезные требования к научному изучению творчества Пушкина. Я много читаю о Пушкине, но не всегда бываю удовлетворен прочитанным. Некоторые из наших пушкиноведов чрезмерное внимание уделяют мелким фактам биографии поэта (например, выяснение его дальнего родства), которые не могут представлять большого научного интереса.

В связи с подготовкой к столетию со дня рождения Пушкина мне хотелось бы остановиться на вопросах пропаганды художественной литературы. В последнее время я лично прочитал ряд книг современных писателей: романы Фейхтвангера, «Испытание» Бределя, «Одиночество» Вирта, «Наши знакомые» Германа, стихи Безыменского, Светлова. Все эти вещи разной художественной и идейной ценности. Наша критика, однако, плохо популяризирует современную советскую и западно-европейскую литературу. Много говорят о произведениях, уже и без того достаточно известных советскому читателю, и мало о тех, которые еще не дошли до читателя. Резко ощущается недостаток у нас конкретных критических статей, которые давали бы интересные общие обзоры того, что происходит в литературе. Упрек в отсутствии таких статей следует сделать и газете «Литературный Ленинград». Потребность в сводных, обобщающих статьях, которые рассматривали бы литературные явления за какой-нибудь определенный отрезок времени, мне кажется, самая острая. В частности, в Московском районе мы предполагаем для партийного и советского актива систематически организовывать обобщающего характера доклады по новинкам советской литературы. В этой работе я рассчитываю на помощь ленинградских критиков союза писателей.

Е. Т. МАРТЕХОВ

Кучец-стахановец завода «Электросила» им. Кирова, награжден орденом Ленина, делегат Чрезвычайного VIII Съезда Советов

Читать я научился поздно, только в 1925, а мне 42 года. Не до учебы мне прежде было. В 1915 году взял меня в армию, три года я провел на империалистической войне, с 18-го по 21-й год — в Красной армии: на Северном фронте, на Южном, против Махно. В 1923 году я поступил на «Электросилу», на которой работаю и сейчас. Здесь я и начал учиться грамоте. Первой прочитанной мною книгой был «Железный поток» Александра Серафимовича. Книги о гражданской войне — Фадеева, Шолохова, Фурманова — я люблю. Мне понятен, близок героизм людей, сражавшихся за советскую власть. Книжки эти написаны с большим вдохновением, сильно и просто. И вот за это же — за волнение, простоту я люблю и Пушкина. Я его произведения и в театре видел и читал: понятно он пишет и доходчиво. И все написано так, что когда читаешь — не оторваться, весь уйдешь в книгу. Особенно мне понравился «Дубровский». Дубровский — человек прямой, смелый. Этими чертами он напоминает многих наших героев из книг о гражданской войне.

Столетие со дня смерти Пушкина — большое народное событие. Это и понятно: правдивость и человечность его произведений дойдет до любого читателя нашей страны на каком бы языке он ни говорил.

Последние три года я работаю над Пушкиным. О том, насколько сложна и ответственна эта тема, говорить не приходится. Я хочу изобразить Пушкина в Болдине (осень 1833 года) в простой комнатной обстановке захолустного поместья. Вторая болдинская осень в творческом отношении была плодотворной для поэта: Пушкин закончил «Историю Пугачевского бунта», написал «Медного Всадника» и ряд других произведений. Но вместе с тем вокруг него все сильнее и сильнее свивалась паутина интриг. Генеральный художник находился в состоянии общественной изоляции. Напряженность творческой мысли и социальное одиночество — вот то, что мне хочется запечатлеть в образе Пушкина.

Мне было бы трудно сказать, что больше всего я ценю в Пушкине. Я люблю Пушкина всего, целиком. «Борис Годунов» меня поражает удивительной способностью поэта перенестись в историческое прошлое, «Капитанская дочка» — правдивостью и теплотой изображения Пугачева, элегические произведения поэта — глубокими философскими раздумьями.

Пушкин проявил исключительное дарование в описании пейзажа (особенно в «Евгении Онегине»). И едва ли превзойден великий поэт в своем изображении натюрморта. Он дает его с поразительной выпуклостью, рельефностью. Вспомните в «Евгении Онегине» описание комнаты Онегина:

... Стол с померкшею лампадой
И грудой книг, а под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугуною
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

Или в стихотворении «Утопленник»:

В дымной хате мужика
Дети спят, хозяйка дремлет,
На податях муж лежит...

Я смело могу сказать: на творчестве Пушкина, его пластических образах, стройности, строгости, простоте рисунка я учился живописи. И поэтому сейчас моя работа над Пушкиным для меня не является случайной.

Академик И. И. МЕЦАНИНОВ

Может, в силу моей специальности — научное языкознание — я прежде всего ценю в Пушкине его язык.

Пушкин — великий преобразователь литературного языка: он ввел новые языковые нормы, приблизил аристократический литературный язык к разговорному. Сравните Пушкина с Державиным — поэтом, которого пережил Пушкин немногим больше, чем на двадцать лет, и вы поймете все величие Пушкина, сумевшего так демократизировать литературную речь. Неудивительно, что пушкинский язык дожил до наших дней, и Пушкина сейчас любят, ценят и понимают миллионы. Как известно, отдельные произведения Пушкина переведены на языки малых национальностей — таджикский, тюркский, иранский и др. Недавно я на одном вечере с большим удовольствием прослушал отрывок из перевода «Стандционного смотрителя» на чукотский язык.

Мне, занимающемуся много языком и культурой Кавказа, особенно близки и дороги так называемые кавказские поэмы Пушкина. Пушкин реалистичен даже в этих своих романтических произведениях. Он хорошо, правдиво рисует средневеково-феодальный быт в его своеобразном восточном преломлении. Некоторые пушкинисты считают, что у Пушкина Кавказ — дикий, вдобавок обрисованный недружелюбно поэтом. Я воспринимаю кавказские произведения Пушкина совсем не так. Наоборот, я вижу в них верное изображение быта и нравов кавказских народов, окрашенное сочувствием поэта.

Наш русский язык прост, ясен и многозвучен. Этот музыкальный язык создал А. С. Пушкин.

Я, как и многомиллионные читатели Пушкина, люблю его за его простой, лаконичский, красочный и понятный язык. Каждый его стих, это — музыка прекрасная, волнующая, увлекательная. Пушкин — непревзойденный мастер слова. Это — талант и гений, слово которого живет и будет жить вечно. Читая Пушкина и думая о нем, я не могу охватить всего величия, всей необъятной красоты и мощи его произведений. Пушкин не только создатель русского языка, но и основоположник новой русской литературы. Он впитал в себя все лучшее, что было в ней до него, но гений его самобытен, и Пушкин шел своим путем. Он первый так сильно и талантливо, так просто и ярко изобразил русскую жизнь. Именно поэтому Пушкин не устарел для нас и сейчас, он неизменно нов для нашего читателя и словно не сто лет отделяют Пушкина от наших современников, а несколько дней. Люди, о которых писал Пушкин, стоят перед нами как живые, из плоти и крови с настоящим человеческим сердцем. Пушкин немногословен, у него нет ни одного большого по размеру произведения, все они невелики, в «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» куда меньше и тоньше других многомоных сочинений, никому не нужных и никого не трогающих. И стихи и пушкинская проза поражают своей простотой и лаконичностью. Вот за все это — за его исключительное мастерство в пользовании словом, за его гениальность, простые образы, за его изумительно живых героев я и люблю Пушкина. Часто читаю и перечитываю его произведения: я знаю слово в слово письмо Татьяны, описание Полтавского боя, «Тиха украинская ночь» «Полтава» и многое другое. Читая Пушкина, я постоянно учусь у него, я чувствую, как я сам обогащаюсь в своем языке и как многим я Пушкину обязан. Пушкин творил для человечества. Жизненный и творческий его путь был тяжел. Но какие преграды ему ни ставили, он все же создал произведения, которыми и сейчас гордится русский народ. Пушкин верил, что мысли его дойдут до народа, и они дошли. Он говорил:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.

И сейчас, в эти дни столетнего юбилея, когда наша партия во главе с ее гениальным вождем тов. Сталиным проводит великую сталинскую национальную политику, когда все народы СССР выросли культурно и имеют право на образование, его слова сбылись. Имя Пушкина называет всяк сущий в нашей стране язык.

Нашим советским писателям и поэтам нет преград, они имеют все условия, чтобы создавать произведения, достойные нашей великой эпохи. Нашим советским писателям надо взять Пушкина за образец и учиться у него относиться к своей работе с величайшей требовательностью, понимая, что все, что мы создаем в наши дни, создаем для будущего и прекрасного настоящего.

Пушкин — это выражение всего лучшего, что было создано в литературе русским великим народом. Все его бессмертные произведения пронизаны остротой ума, любовью к труду, призывом к лучшей жизни, жизнерадостностью и изумительной гармонией.

Пушкин с его светлым оптимизмом созвучен нашей эпохе — эпохе радостного создающего творчества.

С отроческих лет, когда я впервые познакомился с произведениями Пушкина, творчество его вызвало во мне, как и во многих моих современниках, восторженное преклонение. Пленяла необыкновенная форма — гармония и мелодичность стиха, восхищала красота и разнообразие образов, широта диапазона пушкинского творчества — от картин современной поэту русской жизни (прежде всего в «Евгений Онегине») и русского прошлого («Борис Годунов», «Медный всадник») до западного средневековья («Скупой рыцарь» и др.): Необыкновенно близкой, почти родной представлялась личность Пушкина, в особенности в трагедии последних лет его жизни, прерванной выстрелом барона Дантеса. Очень скоро стало понятным, что дело не в ничтожной личности убийцы, а в мрачной атмосфере того времени, что Пушкин был убит не Дантесом, а великосветским обществом, неспособным понять и оценить гений поэта.

Теперь, когда в нашей стране груд, не только физический, но и умственный, стал делом почета, особенно близка нам личность Пушкина, который, несмотря на принадлежность свою к дворянству, был, в сущности, профессиональным литератором, и, между прочим, поэтом презирался в «обществе», виденшем в нем «стихотворца». Теперь осуществилось предсказание Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.

Творчество Пушкина в истинном смысле народного художника близко всем нам; основные элементы его должны быть в максимальной степени усвоены советской литературой.

Эти элементы — простота, естественность, реализм, жизнерадостность, широкий диапазон творчества, ясный, чистый, прозрачный пушкинский язык и мелодичный, музыкальный пушкинский стих.

Завод № 7. Пушкинский семинар на заводе № 7. Слесарь ремонтного цеха № 14 тов. А. А. Кудрявцев (стоит слева) делает доклад на тему «Руслан и Людмила»

МАЛЕНЬКИЕ ДРАМЫ ПУШКИНА

Поставив своей целью создание спектакля из маленьких трагедий А. С. Пушкина, я начал работать над пятью из них — «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Модарт и Сальери», «Скупой рыцарь» и «Русалка». Постепенно откристаллизовывались те три, которые, как я думаю, могут быть исполнены в театре под моим руководством наилучшим образом.

Первым, как бы прологом, пойдет «Модарт и Сальери», затем «Каменный гость» и финалом спектакля «Пир во время чумы». Спектакль в таком виде будет иметь своеобразную логику в единстве исполнительского стиля. От камерной формы «Модарта и Сальери» он перейдет к бурному внутреннему действию «Каменного гостя» и закончится почти экстазным трагизмом «Пира во время чумы». В этой последовательности заложено как бы неизбежное нарастание трагической эмоциональности.

Это нарастание трагической напряженности будет иметь в спектакле соответствие и в нарастании участия музыки, как одного из органических элементов спектакля. Другими словами, в «Модарте» музыка функционирует только как дитата. В «Каменном госте» она определяет собой и венчает роль Лауры, живущей «в песне», и, наконец, в хорах и гимнах «Чумы» она вырастает в роль мощного организующего фактора своеобразного драматически-пантомимного спектакля, каким, по замыслу моему, и должна явиться эта пьеса.

С другой стороны, эти три пьесы оказываются связанными определенным, хотя и глубоко лежащим, тематическим единством. Мне кажется, что через все три пьесы, каждая по-своему и в разной мере, но всюду проникновенно, настойчиво и глубоко проходит пушкинская мысль о творчестве, о роли творчества в жизни. Само собой разумеется, что этой теме целиком посвящен «Модарт и Сальери». Именно, не проблема зависти, а проблема творчества, по-разному понятого, представляется мне ядром этой труднейшей и глубокомысленной драмы. Сальери прав, утверждая, что он — не низкий завистник, и он неправ, мечтая, что он гений, как Модарт или Бомарше. Ограниченность его таланта и безграничность гения Модарта — вот то центральное столкновение, которому мы становимся свидетелями в этой драме. Безмерное торжество Модарта и поражение Сальери, у которого отнята вера в его талант, — вот результат и вывод этой трагедии.

В «Каменном госте» проблема творчества занимает огромное и очень ответственное место. Проблема эта раскрывается с наибольшей ясностью, если мы спросим себя, что нового внес Пушкин в тему Дон-Жуана по сравнению со своими предшественниками.

Впервые появляется Дон-Жуан в XVII веке в комедии Тирсо-де-Малина «Севильский обольститель». Здесь это образ человека, добывающего обладания женщиной любым путем — насильем или подарками, крадущийся ночью под маской и пользуясь чужим именем. Немногим изменяется Дон-Жуан и у Мольера. Правда, он умнее, тоньше, находчивее, пожалуй, интеллектуальнее, но его страсть к женщинам не более как дицичная погоня за физическими наслаждениями. Очарование молодости, задора, отваги и безрассудства меняет его облик в либретто да Понти и особенно в изумительной музыке Моцарта. Все же и здесь это образ человека, внутренне пустого, лишнего подлинного содержания.

Напротив, у Пушкина Дон-Жуан — человек огромной обаятельности, жизнерадостности силы и талантливости. Не случайно Лаура поет песню, сочиненную на его слова.

Если он и не стал поэтом, то это случилось не так, как с Евгением Онегиным, который не «мог... ямба от хорея, как мы ни бились, отличить», т. е. был лишен дара поэтической музыкальности. Напротив, слова Дон-Жуана просятся на музыку, он не стал поэтом потому, что его увлекло непосредственное творчество жизни пусть в примитивном или даже извращенном понимании этих слов. Не физическое обладание женщиной, а победа над ее сердцем, над ее душой, вот что его увлекает и волнует. Он идет к сердцу донны Анны самым сложным и самым опасным путем и не жмет, открывая грудь для кинжала. Он живет мгновением, счастьем мгновения и готов умереть за этот миг. Кипучая богатая натура, деятельность которой направлена по кривому ложному, случайному пути, — таков Дон-Жуан Пушкина, образ, родственник самозванцу в его «Борисе» и даже солнечному Модарту в его «Модарт и Сальери». Дон-Жуан не прав и он глуп, но темный мрачный мир, несущий эту смерть, мир феодализма и католичества гораздо враждебнее Пушкину, чем смеющиеся и сверкающие образы Лауры и Дон-Жуана.

Творчество, создание слова и создание песни, определяет, пронизывает и всю необычайную ораторию, неповторимую поэму «Пир во время чумы».

Мне хотелось бы, таким образом, чтобы этот пушкинский спектакль донес не только безмерно-прекрасные пушкинские слова, не только непревзойденные образы людей, говорящих и действующих, но и глубочайшую пушкинскую идею о творчестве всеобъемлющем, всеобъемлющем и дающем человеку высшую и несравненную радость.

Спектакль, который мы готовим, должен быть одним из многочисленных примеров того, что только у нас, только в нашей стране возможна величайшая бережность и величайшая активность в освоении великого наследства, созданного лучшими человеческими умами всех времен и народов.

Мы мечтаем достойно присоединить наш голос к огромному хору живых участников этого юбилея, который должен доказать всему миру, что только в стране победившего социализма судьба поэзии является всенародным делом широких масс всех национальностей нашего огромного Союза.

Моцарт и Сальери

Иллюстрация М. Врубеля

ТОРЖЕСТВО КУЛЬТУРЫ

На заводах и фабриках Ленинграда, в колхозах, в клубах, в библиотеках, в школах Ленинградской области готовится к знаменательной дате — столетию со дня смерти великого народного поэта А. С. Пушкина.

В слесарно-сборочном цехе завода им. Карла Маркса группа слесарей, любителей литературы, выпустила специальную стенную газету, посвященную столетию юбилею. На заводе им. Макса Гельда в обеденный перерыв в инструментальном цехе рабочие слушали беседу о жизни и творчестве Пушкина. По их инициативе организована экскурсия к месту дуэли. Беседы начали проводиться и по другим цехам. Приглашены артисты для чтения отрывков из произведений поэта. За 3—4 дня в библиотеке свыше ста читателей потребовали Пушкина.

На фабрике им. Самойловой в библиотеке из 900 читателей нет ни одного, кто бы не читал Пушкина. Работница П. Ф. Виноградова изучает историю партии, но она нашла время для знакомства с биографией Пушкина, прочла все «Сюжеты Белкина», «Капитанскую дочку». В обеденные перерывы библиотека в цехах проводит читки, но рабочих не удовлетворяет количество читок, они сами приходят в библиотеку, берут книги, идут в цех и читают там вслух поэмы. На складе этикеток такую читку регулярно проводит работница Панкратова, на бумагорезке — Исаева. По почину комсомольцев бисквитного цеха в красном уголке организована пушкинская фотовыставка.

На ткацкой фабрике им. Желябова с успехом прошел пушкинский вечер, своими силами были поставлены сцены из «Цыган» и «Дубровского». Вечер понравился. Ткачихи потребовали устроить еще ряд подобных вечеров. На

заводе «Двигатель» библиотека провела опрос всех своих читателей. Выяснилось, что все они знакомы с произведениями Пушкина. 50 постоянных абонементов на лекции о Пушкине, читаемые в Доме культуры, — нарасхват. Абонементов не хватает. Библиотека затребовала добавочные места.

На заводе «Красный гвоздильщик» создан обще-заводской пушкинский комитет. Конференция в цехах, общезаводская конференция, поездки по пушкинским местам, пушкинские радиопередачи из заводского радиозула — все это уже осуществляется на заводе. В феврале состоится большой вечер памяти поэта.

Особенно жарко взялись за пропаганду Пушкина на заводе им. Кирова комсомольцы. Во всех цехах идет подготовка к конференции. В механическом цехе № 1 комсомолец Якубович сделал доклад об «Евгении Онегине». Его товарищи Попов и Смирнов иллюстрировали доклад чтением отрывков. В цехе штампов и приспособлений уже прочитаны драматические произведения Пушкина, а комсомольцы лопаточного участка турбинного цеха читали во время перерыва «Руслана и Людмилу».

Но не только в цехах и клубах, в библиотеках и домах культуры проводится работа, Вечером на квартирах лучших людей заводов собираются любители и почитатели великого поэта.

К пушкинским дням готовятся вузы и школы. В ленинградском университете уже начат цикл лекций. Составлен календарь вечеров. В одном из таких вечеров примут участие писатели Тихонов, А. Толстой, Браун, Асеев. Другой вечер посвящается музыке, написанной на пушкинские темы.

Особенно широко отмечаются пушкинские дни в школах. В области нет ни одной школы где бы не готовили писценпровок, не выпускали бы специальных газет или журналов, не устраивали бы пушкинских уголков. В феврале в Ленинграде состоится областная олимпиада школьников — лучших чтецов пушкинских произведений. В январе литкружковцы-школьники поедут в Пушкинские горы, в Михайловское, в Тригорское. В Новгороде объявлен конкурс рисунков к произведениям Пушкина и портрета поэта. Рисунки печатаются в городской газете. Победитель получает академическое издание Пушкина. В 29-й школе Василеостровского района был объявлен конкурс на проект памятника. Победителем вышел Толя Чебренков, изготовивший метровый макет памятника-обелиска с портретами Пушкина, сделанными фотомеханическим способом. Тот же пионер нарисовал в стиле палеоховских мастеров картину-монтаж из пушкинских сказок.

Школьники Шаневской школы Славковского района создали бригады книгонош. Они ходят по колхозам, продают книги Пушкина и сами читают их вслух в клубах. Повсеместно школьники и учителя проводят в колхозах читки, делают доклады, ведут беседы.

Интересное мероприятие провела гдовская библиотека. Она организовала поездку колхозников в пушкинские места. Старый колхозник, большой почитатель Пушкина, из отдаленного колхоза, узнав о поездке, прошел сорок километров пешком — только бы попасть на экскурсию. В том же Гдовском районе в библиотеке за 10 дней с начала популяризации пушкинских произведений прибавилось 300 читателей.

Можно было бы еще продолжить список колхозников, библиотек, клубов, школ, фабрик, заводов, где пушкинские дни пробудили интерес к творчеству нашего народного гения, заставили прочесть или перечитать жемчужины русской поэзии. Десятки, сотни тысяч людей, людей, которые только недавно научились читать, изучают сейчас Пушкина. Юбилей великого поэта делается все народным торжеством, торжеством небывалого культурного роста нашего народа.

Редакция газеты «ЭЛЕКТРОПРИБОР» и ячеек Пушкинского общества.

ПУШКИНСКАЯ АНКЕТА

- Имя, отчество и фамилия (не обязательно) *Антон / Клеоп / Виноградов /*
- Образование (или грамотность) *Финансы и эк. науки*
- Профессия *Слесарь-механик*
- Возраст *25 лет*
- Родной язык *Русский*
- Читали ли Пушкина *Часто*
- Когда и почему начал читать Пушкина *Совсем недавно начал в 1919 году*
- Что читал из произведений Пушкина *Евгений Онегин, Пиковая дама, Руслан и Людмила, сказки Пушкина и др., стихи Пушкина и др.*
- Какие ваши любимые произведения Пушкина и почему *Все любил и все нравилось*
- Что из прочитанных вами произведений вам непонятно *Понятно все*
- Какие произведения Пушкина вам не нравятся и почему
- Что вы больше любите, прозу или стихи Пушкина *и прозу и стихи*
- По каким изданиям вы читали Пушкина (переводческие или собственные) *По переводческим*
- Какие произведения на сюжеты Пушкина вы видели в театре *Видел в театре Пиковую даму, Евгений Онегин*
- Интересовались ли вы биографией Пушкина и что читали о Пушкине *Несколько очерков о Пушкине*
- Есть ли у вас Пушкинская библиотека или отдельные книги *Есть*

Издательство «Ленинградский рабочий» Ленинград, Советский район, ул. Дзержинского, 11. Тел. 24 265. 190 300.

Редакция многотиражки завода «Электрприбор» и ячейка Пушкинского общества выпустили анкету для ознакомления рабочих и служащих завода с произведениями Пушкина

А. ПЕШКОВСКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

резец

№ 1

ЯНВАРЬ 1937 г.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЛЕН. ОТДЕЛ. СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Адрес редакции: Ленинград. Фонтанка, 57, тел. 5-60-58

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

СОДЕРЖАНИЕ:

М. БЛЕЙМАН, И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН. Арзрум . . . 3;
Я. МЕРЗОН. Ярмарка . . . 7; Вс. АЗАРОВ. Три стихотворения . . . 10; Б. МЕЙЛАХ. Наследие Пушкина и социалистическая культура . . . 12; Н. СТЕПАНОВ. Принципы поэтического творчества Пушкина . . . 15; Солнце русской поэзии . . . 21; Поэты Пушкину . . . 24; С. Я. ЕССЕН. Сожженная глава „Евгения Онегина“ 27; Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Пушкин о Ломоносове . . . 31; Микаэль Рафили. А. С. Пушкин и его азербайджанские современники . . . 34; Г. ВЛАДИМИРСКИЙ. Пушкин-переводчик . . . 36; Н. МОРДОВЧЕНКО. Пушкин в русской критике XIX века . . . 39; Ив. ПРОСЯНИК. Похороны Пушкина . . . 42; Знатные люди нашей страны о Пушкине . . . 45; С. Э. РАДЛОВ. Маленькие драмы Пушкина . . . 47; А. ПЕШОВСКИЙ. Торжество культур . . . 48; на 1-й стр. обл.: А. С. Пушкин. Фрагмент с портрета В. Тропинина.

Отв. ред. Ан. ГОРЕЛОВ
Зав. редакцией Г. Д. ВЛАДИМИРСКИЙ
Ответ. секретарь Ф. С. КНЯЗЕВ

Зав. худ.-техн. частью И. КАПЛАН
Издатель ЛЕНОБЛИЗДАТ

Ленгорлит № 105. Заказ № 1. Тираж 40.000 Ст. форм. А1^{1/2} п. л.
Печ. экз. 218.000. Сдано в набор 29 XII 1936 г., в печать 27/I 1937 г.
Типография им. Володарского. Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 1 р.

1837—1937